

ПУТЬ

3

Православный альманах издается при храме Христа Спасителя. Нью Йорк
PUT' (THE WAY). Almanac, published by Russian Orthodox Church of Christ the Savior New York
The Orthodox Church in America.

Храм Христа Спасителя в Москве на Кропоткинской алощади. Сейчас на месте храма — бассейн. Храм Христа Спасителя в Нью-Йорке назван в память о взорванном московском храме Христа Спасителя

СОДЕРЖАНИЕ

КТО ОБГОНИТ МОНАШКУ (РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ)
 РЕЛИГИОЗНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
 О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛА
 ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
 ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПРИМИРЕНИЯ
 РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ
 ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИЗМ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)
 САМИЗДАТ
 М. ОРТОВ. "ПРАВОСЛАВНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ".
 ЭССЕ ЛЬЕА ДРУСКИНА О ВЕРЕ И ДВА ОТВЕТА СВЯЩЕННИКОВ О БОГЕ.
 (НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО о. СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА).
 ПАМЯТИ ЯКОВА ВИНЬКОВЕЦКОГО
 ЯКОВ ВИНЬКОВЕЦКИЙ. "ВРАТА РАЯ"
 ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В СССР
 МАРК ПОПОВСКИЙ. "СССР: ЕВРЕИ И ХРИСТИАНСТВО"
 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ
 "СТИХОТВОРЕНИЯ" АНРИ ВОЛОХОНСКОГО
 ДЕТЕКТИВ
 Г.К. ЧЕСТЕРТОН. "СТРАННЫЕ ШАГИ"

На заглавном листе фотография Пашаницы, сделанной прихожанкой храма Христа Спасителя, Антониной Козловой, в дар храму на молитвенную память об усопшей Елене Поляковой.

КТО ОБГОНИТ МОНАШКУ

Почему Советский Союз отказался от участия в Олимпийских играх? Потому что советское руководство сознает, что ему не обогнать сестру Марион. Атеистам не по плечу тягаться с монашкой.

Однако следует объясниться. Американский народ бежит по утрам, в обеденный перерыв и после работы. Бег на длинные дистанции становится национальным отдыхом. Повсеместно признается, что это одно из самых здоровых времяпрепровождений. Переодевшись в трусы и майки американцы бегут. На бегу заключаются сделки, заводятся романы.

Духовенство не отстает от народа. Оно бежит вслед за ним, но подчас его и обгоняет. Так, священник храма Христа Спасителя отец Стефан Пламли пробегает ежедневно около десяти миль, несколько раз он участвовал в Нью-Йоркском марафоне. Потому нет ничего удивительного, что занимается бегом и директрисса Сан-Францисской начальной школы, доминиканская сестра Марион Ирвин. Научила ее бегать по утрам на длинные дистанции ее племянница пять лет назад, когда монахине было уже 49 лет. Сегодня, в возрасте 54 лет сестра Марион — обладательница рекорда по марафону среди женщин после 50 лет и самая старшая по возрасту участница Олимпийских игр.

Сестра Марион пробегает по 70 миль еженедельно, в солнце и дождь. Этой весной она проделала Калифорнийский международный марафон за 2 часа 51 мин. 01 сек., побив свой собственный рекорд среди женщин ее класса после

50 лет более чем на 8 минут и была аттестована для Олимпийских игр. После майских олимпийских испытаний, когда стало ясно, что сестра Марион будет участницей международных Олимпийских игр, в атеистическом лагере началась паника. Первым отказался участвовать Советский Союз. За ним последовали Восточная Германия, Болгария, Чехословакия и Венгрия. Потерявшая для римской кафедры прекрасного лыжника, архиепископа Войтыллу, вынуждена была отказаться и Польша. Ничего не оставалось делать Вьетнаму, Афганистану, Монголии и Лаосу. В этих четырех странах истребление духовенства достигло таких масштабов, что уже никого не осталось, чтобы выставить против сестры Марион.

Доминиканская монахиня остается непобедимой. Американская конституция, отделяющая Церковь от государства, позволяет ей бежать на все четыре стороны. Сестра Марион утверждает, что бег — это не только физический, но и религиозный, духовный опыт. "Это способ гармонизации физиологии с окружающей средой, который возвышает и смиряет, — говорит она. — Когда ты бежишь на восходе солнца по пустынному берегу моря, на котором нет человеческих следов, ты осознаешь необъятность творения и свою собственную тварность в этом мире, как мал ты в сущности и как многим ты обязан Творцу, Богу, который вселил всю эту гармонию и красоту в жизнь".

о. Михаил Аксенов Меерсон

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ХРИСТИАН СТАНОВИТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ

Западногерманский католический миссионерский фонд "Миссио" выпустил отчет о положении христианских церквей в странах Ближнего Востока. Отчет показывает, что практически все общины теряют членов и численно вымирают из-за нынешней волны эмиграции, особенно усилившейся в последние годы, когда убежища у церквей на Западе просят целые приходы. Основная причина, которую указывают желающие эмигрировать, — рост политического и социального давления на христиан. По статистике "Миссио" сейчас на Ближнем Востоке христиан: пять с половиной миллионов в Египте, полтора миллиона в Ливане, шестьсот восемьдесят пять тысяч — в Сирии, 433 тысячи — в Ираке, 220 тысяч — в Иране, 166 тысяч в Иордании, 160 тысяч — в Турции и 120 тысяч в Израиле. "Миссио" опасается, что из-за усиленной эмиграции исчезнут древнейшие в мире христианские церкви.

ИЕРУСАЛИМ ЯЗЫК ИИСУСА ЕЩЕ ЖИВ

Арамейский язык, на котором говорили Иисус и апостолы, на котором было, вероятно, написано пр'евангелие от Матфея, а позднее Талмуд, и который почти исчез с лица земли, начали вновь преподавать детям из ста восьмидесяти семей в районе Иерусалима, в Вифлееме. Уроки арамейского языка проводятся в Сирийской

православной церкви св. Марка в Иерусалиме. Литургия сирийской православной церкви — на арамейском языке, написанном арабским шрифтом. Однако существует и немногочисленное население, для которого арамейский остается разговорным языком, оно рассеяно, небольшие общины живут на Святой Земле, а также в других местах.

ЧИСЛО КАТОЛИЧЕСКИХ СВЯЩЕННИКОВ В МИРЕ СНОВА РАСТЕТ

По последним данным годовой римской статистики число священников и семинаристов за последние годы продолжает расти. В 1981 году число католических семинаристов, готовящихся к священству, было 68.633. Особенно возросло количество священников и семинаристов в Аргентине, Перу, Индии, Венесуэле, Индонезии, Бразилии, Польше, Португалии и Чехословакии. С 1977 по 1981 год это число в Европе возросло на 5.8%. Наиболее существенен рост в Польше — 32.6%, в Чехословакии — 21.9%, в Португалии — 19.5% и Британии — 14.4%. Небольшой рост имеет место в Германии — 4.3%. Количество оставивших священство упало с трех тысяч семисот девяноста — в 1973 году до тысячи двухсот шестидесяти — в 1981 году.

Ежегодная статистика Католической Церкви с 1973 по 1981 годы показывает общий рост числа духовенства и семинаристов в мире и падение количества оставляющих священство. При этом, однако, все равно, число священников на 1973 год было 433.089, а на 1981 год — 411.074.

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В АМЕРИКАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Институт Прогрессивных Христианских Исследований — объединение ученых, призывающих к возрождению христианства в интеллектуальных кругах Америки, объявил о серии религиозно-философских публикаций, посвященных защите христианского мировоззрения. Стремление к добру, определяемому иудео-христианской концепцией, характеризовало зарю западной цивилизации. Но современная секуляризация замутнила само определение добра. Профессор английской литературы и декан Университета Джорджа Вашингтона говорит, что иудео-христианство должно, как и в прежние времена, "заговорить в полный голос наравне с другими современными школами в академических кругах."

25 лет назад профессор, веривший в Бога, имевший религиозное мировоззрение, считался "нереспектабельным". Сегодня, однако, он может "сохранить доброе имя, даже веруя в Бога", — с юмором утверждает философ Артур Холмс. Он назвал целый ряд университетов, где главы философских кафедр — верующие. Холмс написал книгу "Контурные мировоззрения" — первую из серии, которую он намеревается посвятить внедрению христианства в академическую среду. Он пишет: "В нашем веке, когда все общепринятые жизненные основы расшатаны и мы уже чувствуем себя безнадежно, нам особенно необходимо мировоззрение, на которое можно опереться. Христианство, преодолевающее куль-

турные барьеры, представляется, по крайней мере, жизненной альтернативой, о которой стоит подумать", — говорит философ. Его книга — одна из десяти, которые институт собирается выпустить в ближайшие пять лет в издательстве Эрдмана в Мичигане. Тема серии — отношение христианства к различным интеллектуальным дисциплинам. Издатель, Джон Потт, выразил надежду, что книги будут иметь влияние и во внешнехристианском интеллектуальном мире.

Философ Янделл из Висконсинского университета в своей книге "Христианство и философия" утверждает, что христианство более реалистично и критично и ближе к реальности, чем другие мировоззрения. "Мы имеем в нем дело не со вкусами и чувствами, но с уясняющей силой понятий, просвещающих и освещающих истину о действительности", — пишет он.

Редактор проекта д-р Карл Генри, ведущий ученый-евангелист, автор фундаментального труда "Бог, Откровение и власть", пишет: "Хотя натурализм и объявил христианство мифом, миф оказался живуч и, похоже, что он воскресает сейчас вновь".

Психолог Мэри Стюарт Ван Лиуэн говорит, что она разочаровалась в естественно-научном подходе к человеческому поведению, при котором стирается всякая разница между людьми с одной стороны, и животными или машинами — с другой.

Генетик Элвинг Андерсен издаст в готовящейся серии свою книгу "Христианство и наука", а гарвардский профессор Джон Кеерман — книгу "Христианство и восточные религии".

Другой участник серии, профессор Линтон отмечает "рост неосознанного язычества и потерю смысла жизни" среди нынешних студентов и "опустошение мозгов, происходящее из-за того, что студенты не приобщаются к классической традиции с одной стороны, и разлагаются морально — с другой". Он призывает к внедрению изучения иудео-христианской традиции в академическую программу, отмечая, что "легче всего относиться с недоверием к тому, о чем ничего не знаешь".

ГДР

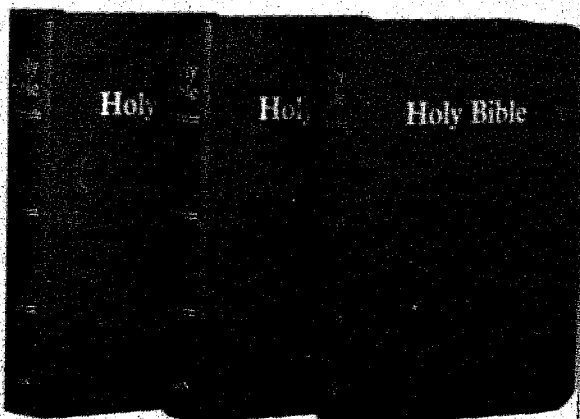
БОГОСЛОВСКАЯ КОМИССИЯ В ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ О РАЗОРУЖЕНИИ В ЕВРОПЕ

Недавно особая богословская комиссия Лютеранской Церкви ГДР опубликовала свое исследование проблемы разоружения под названием: "Безопасность, содружество и мир в Европе, — как задача германских государств и ответственность германских церквей". Исследование состоит из трех частей. В первой обсуждаются условия, необходимые для обеспечения долгосрочной безопасности и мира в Европе, во второй и третьей частях предлагаются конкретные пути, на которых ФРГ и ГДР могут достичь этой цели, и рисуется роль Церкви в обеих Германиях в деле обеспечения мира. Документ указывает и два основных условия для обеспечения безопасности и долговременного мира в Европе. Первое он называет "военной разрядкой", которая снизит риск эскалации конфликта между Востоком и Западом. Сюда входят предложения сократить численность войск как со стороны НАТО, так и со стороны Варшавского Пакта, создание свободной от ядерного-оружия зоны в Центральной Европе, замораживание и постепенное демонтажное ядерных ракет среднего радиуса действия.

В качестве второго необходимого условия церковный документ называет создание политической и экономической стабильности в обеих половинах Европы. Для этого он призывает ФРГ и ГДР к более тесному экономическому

и политическому сотрудничеству. Подчеркивая особую ответственность обеих Германий, на земле которых сконцентрировано наибольшее число войск как НАТО, так и Варшавского Пакта, документ предлагает сократить армию ФРГ на 9%, то есть на 30.000 человек, а армию ГДР — на 15%, то есть на 16 тысяч человек с параллельным выводом части солдат стран Варшавского Пакта.

За последние годы Восточногерманская Лютеранская Церковь все более и более вовлекается в пацифистское движение. Однако в отличие от РПЦ эта инициатива исходит от нее самой. Церковная иерархия и духовенство оказывают конкретную поддержку тем гражданам ГДР, которые в результате своей самостоятельной миролюбивой деятельности попадают в конфликт с режимом.

ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ

Объединенное Библейское общество сообщает, что в прошлом году Библия была издана на 1739 языках и диалектах, на 29 языках больше, чем в позапрошлом году. Вся Библия целиком издана на 277 языках, Новый Завет — на 518 языках. На 944 языка переведены отдельные книги из Библии. Как было сообщено, в позапрошлом году Библия была издана впервые на двух языках: на Мбай, языке Майсалы, на котором говорят в Чаде, и на сомалийском языке. Новый Завет был впервые издан на 25 языках и диалектах, из которых девять — африканские, включая 4 языка Нигерии. Континент, на котором Библия издана на наибольшем количестве языков — это Африка. Библия здесь существует на 104 языках, только Новый Завет — на 163 языках и еще на 239 языках отдельные книги Библии.

Объединенное Библейское общество сетует, что есть много языков, на которых Библия недоступна. От себя добавим, что, к несчастью, таким языком является русский, язык древней христианской культуры.

ГОНЕНИЯ НА БУДДИЗМ ВО ВЬЕТНАМЕ

В шестидесятых годах буддийские монахи в Южном Вьетнаме сжигали себя публично в знак протеста против про-американского режима Нго Диен Дьена. Сегодня, ввиду настоящего гонения со стороны коммунистического режима, те дни должны казаться им райскими. Ханойский режим повел широкое наступление на буддизм, выказывая решимость полностью подчинить себе это значительное этническое и религиозное меньшинство. Коммунизм вообще известен своей враждебностью религии, но вьетнамский режим проявляет особую ревность в преследовании вьетнамских буддистов, знаменитых своей способностью противостоять любому режиму.

Сразу же после захвата власти коммунисты отказали буддийской общине в официальном признании, поставив ее вне закона, и вступив на путь ее окончательного уничтожения, или, во всяком случае, полного лишения ее всякого влияния. Потом в 1978 году власти признали

буддийское руководство. После чего они подчинили его себе, заменив марионеточным контингентом. Буддистов заключают в лагеря, в тюрьмы, в карцеры. Некоторым заключенным удается передать Красному Кресту мольбы о цианистом калии, который поможет им прекратить мучения самоубийством. Хотя мясом обычно в лагерях не кормят, одного буддиста кормили им нарочно, чтобы поглумиться над его вегетарианскими убеждениями. Для любого религиозного собрания более чем пяти человек требуется предварительное разрешение. Проповеди должны составляться и даваться властям на одобрение заранее, иначе они нелегальны. В них должны быть включены партийные инструкции. Рисовые поля, принадлежавшие буддийским пагодам, были конфискованы, а верующим запрещается материально поддерживать монахов и приносить им еду, поэтому многие пагоды прекратили свое существование.

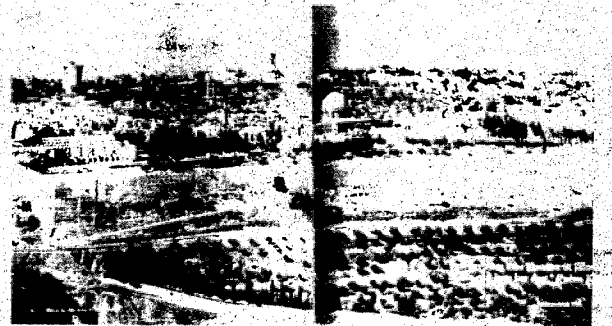
Государство отказалось субсидировать буддийские школы и взялось за их экономическое подавление. Высшее учебное заведение буддистам открыть не разрешается. Монахам запрещается учить детей, которые теперь все обязаны ходить в государственные школы.

Буддизм во Вьетнаме во всей полноте чувствует железный кулак коммунистического режима.

ДРЕВНЕЙШИЙ АМУЛЕТ С НАДПИСЬЮ ИМЕНИ БОЖЬЕГО

Израильский археолог, сотрудник Тель-Авивского университета, Габриэль Баркай, сообщил, что он откопал серебряный амулет, на котором выгравирована наиболее ранняя из всех известных надписей имени Бога. Эта находка считается наиболее ценной и необычной из открытий раскопок Старого Иерусалима. Баркай утверждает, что амулет принадлежит к 7-му — началу 6-го века до Рождества Христова, то есть примерно к эпохе Вавилонского захвата Иерусалима. Два подобных амулета были найдены четыре года назад в гробнице напротив Сионских ворот в Иерусалиме и сейчас ученые занимаются их расшифровкой. Амулеты были скручены в свитки толщиной в спичку и потребовалась сложная технология, чтобы их развернуть.

На амулете, который представляет собой свернутую тончайшую пластинку из серебра, начертано еврейскими письменами имя Бога — ЯГВЕ. Благочестивые евреи не произносят имени Бога, поэтому оно написано одними согласными, так, что неясно, как его произносить. По словам Баркай, других древних надписей имени Божьего не сохранилось, так как обычно их делали на папирусе. До открытия Баркай наиболее ранними из найденных надписей этого типа были надписи 2-го века до Рождества Христова, то есть эллинистического периода.

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА

Основные церкви Исландии решили совместно отпраздновать тысячелетие христианства в стране. Хотя точно неизвестно, когда христианство появилось в Исландии, но официально страна стала христианской в тысячном году по Р.Х., так что в двухтысячном католики и протестанты Исландии решили отпраздновать тысячелетие.

НОВЫЕ НАХОДКИ БИБЛЕЙСКОЙ НАУКИ

Столб из соли на горе Содом так называется «женой Лота». Горы из соли на западном берегу Мертвого моря.

Волна новых археологических открытий меняет ряд недавних научных представлений об истоках иудаизма и христианства и подтверждает, что Библия — это гораздо более аккуратный и точный исторический документ, чем считали ученые-библеисты. К такому заключению приходят археологи после двух десятилетий интенсивных археологических раскопок на Ближнем Востоке. Среди недавних раскопок: копи царя Соломона, развалины городов Содом и Гоморры, ковчег Завета древних израильтян и следы катастрофы, которая может помочь объяснить чудесный переход евреями тростникового моря, в русском переводе названного Черным морем, о котором рассказывает книга "Исход".

До недавнего времени большинство ученых считало библейские города Содом и Гоморру, описанные в 18-й и 19-й главах книги Бытия, легендарными. Раскопки двух серьезных американских археологов Волтера Раста и Томаса Шауба подтверждают историчность библейского рассказа. Археологи заявляют, что они, по всей видимости, обнаружили развалины этих городов вместе с тремя другими поселениями, названными в Библии "городами равнины" ("этой окрестности" — в русском переводе). Развалины находятся там, где по библейской географии должны были бы находиться Содом и Гоморра, в нескольких километрах от Мертвого моря. Более того, по меньшей мере три города разрушены огнем, что соответствует библейскому рассказу, в котором Господь Бог посылает огненный дождь на эти города в отмщение за их нечестие и разврат. По археологическим данным эти города разрушены приблизительно в то же время, о котором говорит и Библия: 2300-2400 годы до Рождества Христова.

Историчность Содом и Гоморры подтверждается и другим ученым, итальянским профессором Джованни Петтинато, который занимается расшифровкой 17-и тысяч клинописных табличек, раскопанных в Сирии в 1976 году. Эти таблички, найденные в развалинах города Эблы, которому более четырех с половиной тысяч лет, названы одним ученым самой значительной находкой в области библейской археологии.

Согласно переводу Петтинато на табличках содержатся записи торговых сделок между двумя городами — Содомом и Гоморрой, о существовании которых, кроме Библейского рассказа, ранее не было никаких свидетельств.

Другая недавно переведенная таблица может пролить свет на чудесное описание исхода евреев из Египта и их спасение от египетской конницы. Библейская книга "Исход" так рассказывает об этом:

"Сыны Израилевы оглянулись, и вот, Египтяне идут за ними: и весьма устрашились и возопили сыны Израилевы к Господу; и сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? что это ты сделал с нами, выведя нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: "оставь нас, пусть мы работаем египтянам"? Ибо лучше быть нам в рабстве у египтян, нежели умереть в пустыне. Но Моисей сказал народу: не бойтесь, стойте, и увидите спасение Господне, которое Он соделает вам ныне; ибо Египтян, которых видите вы ныне, более не увидите во веки. Господь будет побороть за вас, а вы будьте спокойны. И сказал Господь Моисею: что ты вопиешь ко Мне? Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли. А ты подними жезл твой и прости руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше. И двинулся ангел Божий, шедший перед станом сынов Израилевых, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их и стал позади их; и вошел в середине между станом Египетским и станом Израилевым, и был облаком и мраком для одних и освящал ночь для других и не сблизилась одна с другими во всю ночь. И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею; и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше. Погнались Египтяне, и вошли за ними в средину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его. И сказал Господь Моисею: прости руку твою на море, да и обратятся воды на египтян, на колесницы их и на всадников их. И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась в свое место; а египтяне бежали навстречу воде. И вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараона: не осталось ни одного из них. И избавил Господь Бог в тот день Израильтян из рук Египтян и убоялся народ Господа, и поверил Господу и Моисею, рабу его."

До недавнего времени Библия была единственным источником нашего знания об этом событии — чудесном избавлении евреев из египетского рабства. Других подтверждений этому не было. На этом основании некоторые ученые утверждали, что вся история "Исхода" носит легендарный характер и не имеет под собою исторического основания. Недавно переведенная таблица дает первое не библейское свидетельство об этом событии. Она описывает его с египетской точки зрения. Таблица рассказывает как фараон позволил мятежным "азиатским иммигрантам" покинуть его страну и как их следы "были поглощены наводнением". Единственным расхождением является датировка. Египетский документ датируется 1477 годом до Р.Х. на двести лет ранее датировки, основанной на библейском исчислении. Переводчик таблицы египтолог Ганс Гедике из института Джона Гопкинса объясняет это катастрофическим вулканическим извержением, которое в то время разрушило средиземноморский остров Санторин. Гедике считает, что извержение могло произвести столп огня, о котором говорит Библия и огромную приливную волну, потопившую войска фараона.

Ученые считают, что если эти находки подтвердятся, они опровергнут устоявшуюся в библейской критике точку зрения, что две первые книги Библии: Бытие и Исход содержат мало исторических фактов, поскольку они составлены из народных сказаний, веками передававшихся изустно. Отец Карло Мантини, ректор папского библейского института в Риме на основании недавних находок заключает, что "воспоминания евреев, которые были позднее записаны в книгах Библии, наоборот, оказались чрезвычайно древними и историчными".

Еще одно свидетельство пришло из Американского геологического обзора, который утверждает, что обнаружено место копей царя Соломона трехтысячелетней давности. Американские геологи нашли в Саудовской Аравии заброшенные золотые копи с каменными орудиями, лежащие на главной торговой дороге в Израиль. Копи были достаточно богаты, чтобы дать 1086 талантов или 31 метрическую тонну золота, — количество золота, которое, по свидетельству Библии,

Мертвое море или Солёное море. Также называлось морем равнины, морем пустыни или Восточным морем.

было доставлено в Иерусалим для украшения Храма, построенного царем Соломоном.

Наряду с археологией приносят все новые следы из библейского прошлого и счастливые случайности. Недавно православные монахи в древнейшем греческом монастыре Св. Екатерины на Синае во время ремонта древней монастырской стены обнаружили тысячи пергаментных и папирусных фрагментов Священного Писания, датированных 3-м и 4-м веками нашей эры. Наиболее ценные из них — восемь недостающих страниц Синайского кодекса, найденного в том же монастыре 130 лет назад. Эти древние тексты важны тем, что они дают возможность восстановить первоначальный текст и определить, менялся ли он и насколько за века переписывания вручную. Анализ показывает, что монахи переписывали Библию настолько аккуратно, что за века переписывания лишь незначительные ошибки и изменения вкрались в первоначальный текст.

Стремительно растет число исследований и в области Нового Завета. В частности, появились новые исследования о внебиблейских свидетельствах об Иисусе Христе. Уже долгое время научный спор идет вокруг свидетельства об Иисусе Христе в книгах древнееврейского историка Иосифа Флавия. Иосиф Флавий был одним из еврейских полководцев, руководивших восстанием против римлян. Во время одного из сражений он был ранен и попал в плен, проведя всю войну в римском обозе. Свидетельство об этой эпохе дошло до нас в двух его книгах "Иудейская война" и "Иудейские древности". Краткие упоминания об Иисусе Христе и христианах в его книгах, написанные в I-м веке нашей эры, вызывают большие споры среди ученых. Большинство считает эти упоминания позднейшей христианской интерполяцией. Этот скепсис, в частности, основывался на том, что упоминания об Иоанне Крестителе, о служении и распятии

Иисуса в возникновении христианской Церкви в Израиле, отсутствуют в греческой версии его книги "Иудейская война" и дошли до нас в более поздних славянской и румынской версиях. Не все ученые разделяют этот скепсис. В частности, английский переводчик и комментатор "Иудейской войны" Вильямсон объясняет это тем, что книга была написана по-арамейски и позднее переведена на греческий. До нас дошел греческий текст, датированный временем императора Домициана, лютого ненавистника и гонителя христиан. Легко допустить, что издание "Иудейской войны" при Домициане оказалось с купюрами, все упоминания о Христе и христианстве были выпущены. Славянский же перевод мог быть сделан либо с арамейского, либо с более ранней и полной греческой версии, до нас не дошедшей. Однако существует серьезное исследование об упоминании Иисуса у Иосифа Флавия. Летом 1971 года в Иерусалиме вышел труд профессора Иерусалимского университета Пинеса, касающийся арабской версии другой книги Иосифа Флавия "Иудейские древности", в которой древнееврейский историк тоже упоминает об Иисусе. В греческой общепринятой версии "Иудейских древностей" этот фрагмент читается так:

"В то время жил Иисус, человек мудрый, если вообще его следует назвать человеком, ибо он творил дела необычные и был учителем людей, с радостью принимающих истину. Он нашел много последователей среди евреев и греков. Именно он был Мессией. Когда Пилат по доносу наших властей приговорил его к распятию, любившие его от начала не перестали его любить. На третий день он снова явился им живым по предсказанию пророков Божиих, возвестивших и множество других чудесных событий, связанных с ним. И до сего дня не исчез род христиан, названных так по его имени".

Подлинность этого текста всегда вызывала сомнения. В устах еврейского историка, перешед-

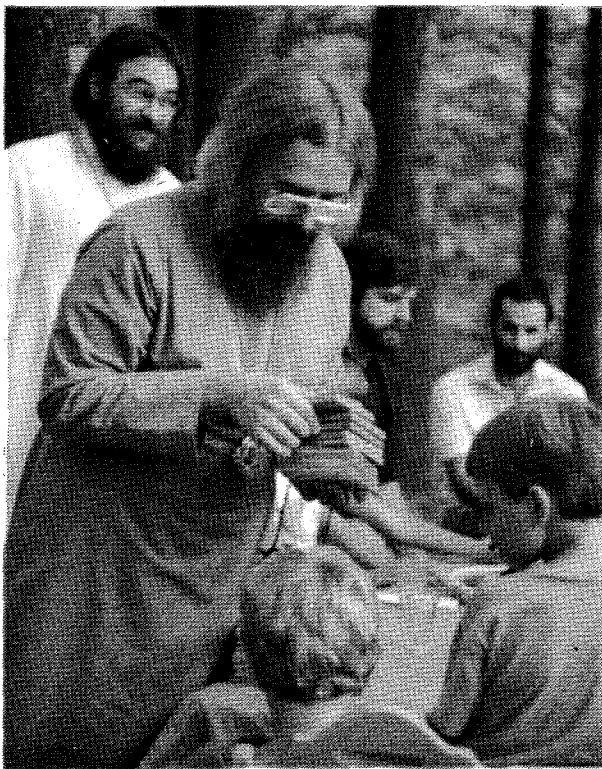
шего на сторону римлян, такое высказывание об Иисусе кажется слишком "христианским", чтобы считать его достоверным. Критики рассматривали этот текст, как интерполяцию, сделанную христианами до 300 года, или же христианской переработкой подлинных слов Иосифа Флавия. Однако каковы же были его подлинные слова? Профессора Иерусалимского университета Шломо Пинес и Давид Флюссер предполагают, что они нашли оригинальный текст у арабского историка X века епископа Агапиоса. В находящейся у него цитате из Иосифа Флавия отсутствуют явно христианские выражения, и она представляется вполне достоверной. Вот эта версия, найденная у арабского историка:

"В то время был человек мудрый, именуемый Иисусом, жизнь которого была совершенной. Его добродетели нашли общее признание, и многие евреи и язычники стали его учениками. И Пилат осудил его на крестную смерть, и те, кто стали его учениками, проповедовали его учение. Они утверждали, что Он явился им живым через три дня после его мученической смерти. Быть может, он и был тем Мессией, о котором пророки рассказывали чудеса".

Профессор Иерусалимского университета Пинес считает, что цитата Агапиоса была настоящей версией Иосифа Флавия, еврейского историка первого века, соответствующей представлению первоначальной традиции об Иисусе.

Исследование Пинеса вносит важный вклад в Новозаветную критику. Но за ним следуют новые и новые открытия. В настоящее время ученые лингвисты и текстологи, как и библейские историки не успевают за новыми археологическими находками. Чикагский профессор Стэгер предсказывает, что в нашем веке наука принесет нам гораздо больше знания и Библии и ее временах, чем когда бы то ни было в прошлом. Поэтому XX век можно назвать возрождением Библии через научную критику.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ

Не забудьте оказать материальную помощь русскому православному детскому лагерю.

Ишьма, пожелания, предложения и пожертвования для лагеря посылайте по любому из предложенных адресов:

Sisterhood of Russian Orthodox Church
of Christ the Savior
att. Agrafena Tatischev
340 E 71 st. Str
New York, N.Y. 10021

Children's Fund
Att. Andrew Tregubov
99 Sullivan Str.
Claremont
New Hampshire 03570

О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛА

В тургеневском рассказе "Живые мощи" из "Записок охотника" помещик, случайно забредя на пасеку, натывается на парализованную женщину, лежащую в заброшенном сарайчике, и в ней, высохшей, как мумия, с трудом узнает Лукерью, первую красавицу в своей деревне, — как он вспоминает, хохотунью, невунью, шпасьунью. Неисцелимая болезнь отняла у нее все: молодость, красоту, возлюбленного, друзей и саму жизнь превратила в муку. Но рассказывая о своем существовании в болезни, Лукерья ненароком рассказывает ему и о своих снах, через которые провидится ей ее исцеление.

"Вот вы, барин, — говорит Лукерья, — спрашивали меня, сплю ли я? Сплю я точно редко, но всякий раз сны вижу, хорошие сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая и молодая. Одно горе: проснувшись, потянуться хочу хорошенько — а я вся скованная. Раз мне какой чудный сон приснился! Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая. И будто со мною собачка рыженькая, злющая-презлющая — все укусы меня хочет. И будто в руках у меня серп, и не простой серп, а самый как есть месяц, вот когда он на серп похож бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать дочиста. Только очень меня от жары растомило, и месяц меня слепит, и лень на меня нашла, а кругом васильки растут, да такие крупные. И все ко мне головками повернулись. И думаю я: нарву я этих васильков; Вася прийти обещался — так вот я себе веночек сперва совью; жать-то я еще успею. Начинаю я рвать васильки, а они у меня меж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе веночек свить. А между тем я слышу — кто-то уж идет ко мне, близко таково, и зовет: Луша! Луша! Ай, думаю, беда — не успела! Все равно, надену я себе на голову этот месяц заместо васильков. Надеваю я месяц, равно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом оцветило. Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос — сказать не могу, таким Его не пишут, а только Он! Безбородый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золотой, — и ручку мне протягивает: "Не бойся, говорит, невеста Моя разубранная, ступай за Мною; ты у Меня в Царстве Небесном хоровады водить будешь и песни играть райские". И я к Его ручке как прильну! Собачка моя сейчас меня за ноги, но тут мы взвились! Он впереди. Крылья у Него по всему небу развернулись длинные, как у чайки, и я за Ним. И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что собачка — болезнь моя, и что в Царстве Небесном ей уже места не будет".

Но что же будет с человеком в Царствии Небесном? Церковь утверждает, что умершие восстанут в новых, преображенных телах, подобных телу Воскресшего Христа.

Воскресение после Пасхи называется Фоминым, в память об эпизоде с апостолом Фомой, который отказался верить известию о воскресении Иисуса и потребовал личного опытного свидетельства как условия своей веры в воскресение: "Если не увижу на руках Его следа от гвоздей и не вложу пальца моего в место гвоздей и не вложу руки моей в бок Его, никак не поверю". Через неделю, когда воскресший Иисус снова явился ученикам, среди которых на этот раз был Фома, и взял руку Фомы, чтобы вложить его пальцы в свои раны, Фома удостоверился в реальности воскресения Господа в теле.

Крупный православный богослов нашего века отец Сергей Булгаков называет воскресение вторым и заключительным актом творения. Воскресение Христа — это не просто пробуждение Его от смерти, а именно победа над смертью: не восстановление смертной жизни, но восстановление к новой бессмертной жизни в теле духовном и прославленном. Тело воскресшего Иисуса одновременно тождественно Его телу до смерти, но и отлично от него. После Своего воскресения Господь мог являться и исчезать, мог, идя рядом, оставаться неузнаваем теми, кто хорошо знал Его. По воскресению тело Господа — духовно: сохраняя связь с веществом, оно перестает быть детерминировано веществом. Господь способен, по словам о. Сергия, уже являть Себя через вещество, но не в веществе, что свидетельствует об образе Его нового присутствия в мире. Это духовное, динамическое тело, лишенное плотности, является образом полного овладения телесностью как таковой; будучи свободным от вещественной телесности этого мира. Это соответствует общему учению апостола Павла о воскресении, изложенному в 1 Послании к Коринфянам: "Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Так и написано: первый Адам стал душою живущей (Быт. 2:7), а последний Адам есть дух животворящий".

Как пишет о. Сергей Булгаков, Иисус являет Себя ученикам в воскресшем теле, свидетельствуя о сохранении Его связи с миром вплоть до чувственной осязательности через прикосновение и до вкушения пищи. Само его тело сохранило индивидуальные черты: проболенные руки, ноги и ребра. Евангелие от Луки так рассказывает о явлении Воскресшего Иисуса ученикам: "Они смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда, и взяв, ел перед ними". Этот текст непосредственно подтверждает реальную связь прославленного и духовного тела Христова с этим миром, которая по воле Христовой может получать осуществление, — в евхаристическом предложении хлеба и вина в Тело и Кровь Христову.

Какая же связь между воскресшим Иисусом и воскресением всех людей, веру в которое исповедует Церковь?

Телесному воскресению была посвящена серия проповедей папы Иоанна Павла II. Папа исходил из толкования беседы Господа с саддукеями, переданной синоптическими евангелиями. Саддукеи, представлявшие господствующую религиозную партию в Израиле времен Иисуса, отвергали воскресение мертвых. В доказательство своего неверия они приводят в беседе со Спасителем гипотетический случай с женщиной, которая была поочередно замужем за семью братьями. Чьей же женой она должна быть после воскресения всех из мертвых? — с иронией спрашивают саддукеи.

"Ошибаетесь, потому что не знаете ни Писания, ни силы Божией", — ответил Господь саддукеям и привел в подтверждение слова Бога Моисею, когда Бог явился ему в пустыне в нескораемом кусте. В этом откровении Моисею Бог называет Себя "Богом Авраама, Богом

Исаака и Богом Иакова", тех, кто были предками Моисея в вере, тех, кто знали откровение Бога живого, но сами уже очень давно числились среди мертвых.

Однако праотцы Моисея по вере: Авраам, Исаак и Иаков оказываются живыми для Бога. Значит, правильно читать Писание — это значит читать его в соответствии с верой в Того, Кто дает жизнь и не связан с законом смертности, господствующими в земной истории человечества. Тот факт, что Бог, открываясь Моисею, ссылается на Авраама, Исаака и Иакова, давно умерших и для Моисея, свидетельствует о том, что для Бога и в Нем они живы, что Он имеет власть поставить их на уровень живущих, несмотря на историческую видимость несуществования.

Хотя телесная смерть стала уделом человека благодаря греху (Быт. 3:22) и он лишился доступа к Древу Жизни, тем не менее Бог Живой, заключающий завет с людьми (Авраамом, патриархами, Моисеем, Израилем), постоянно обновляет в этом завете саму реальность жизни, снова и снова раскрывая ее перспективы и в некотором смысле открывая доступ к древу жизни. Христос — это последнее слово Божье на эту тему. Завет, который через Него и в Нем устанавливается между Богом и человечеством, открывает бесконечную перспективу жизни. Во Христе доступ к древу жизни открывается каждому человеку в окончательной полноте.

"В воскресении не женятся и замуж не выходят, но пребывают, как ангелы на небе", — говорится в Евангелиях от Матфея и Марка, — "ибо равны они ангелам и сыны они Божии, будучи сынами воскресения", — добавляет Евангелие от Луки. Утверждение Иисуса, что Бог Авраама, Исаака и Иакова есть Бог живых, а не Бог мертвых и что в воскресении люди уже не женятся и не выходят замуж, а пребывают как ангелы Божии, содержит два положения: возвешение будущего воскресения тел и описание состояния этих воскресших тел.

Этот новый мир, как новая родина человека, как "Дом Отца", по словам Евангелия от Иоанна (14:2), прорастает силою Христова воскресения из нынешнего мира, который временен, подчинен смерти и телесному разрушению. Как сказано в книге Бытия Адаму, первому человеку: "Ты есть земля и в землю возвратишься".

Согласно словам Христа в синоптических Евангелиях, воскресение означает не только восстановление телесности и человеческой жизни в ее целостности посредством союза души и тела, но также и совершенно новое состояние самой человеческой жизни. "Те, которые удостоены будут достичь века того и воскресения из мертвых, умереть уже не могут: ибо равны они ангелам, и сыны они Божии, будучи сынами воскресения", — говорит Господь у Луки.

Евангелие здесь говорит не только об одухотворении, но и об "обожении" человеческой природы. "Сыны воскресения" не только "равны ангелам", но они есть также "сыны Божии".

Когда Христос говорит о будущем воскресении, Его слова не падают на пустую почву. Человеческий опыт и особенно телесный опыт позволяет слушателю связать эти слова с образом нового существования в "будущем мире", которому наш земной опыт сообщает содержание и основу. Именно созданию этого образа и соответствуют заключительные слова нашего исповедания веры: "Верую в воскресение мертвых и жизнь будущего века".

ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО:

Встреча Афинагора I, Константинопольского патриарха, и Павла VI, папы Римского, в Иерусалиме.

В этом году мы празднуем Пасху, Воскресение Христово, в один день с католической Церковью. Каковы же на сегодняшний день отношения между двумя апостольскими церквями: Восточной и Западной? Это тем более интересно обозреть в связи с тем, что двадцать лет назад, в январе 1964 года, произошла историческая встреча Патриарха Афинагора с Папой Павлом VI в Иерусалиме, во время которой константинопольский патриарх и римский епископ сняли взаимные отлучения тысячелетней давности. Снятие взаимных отлучений 1054 года через девятьсот десять лет было отпраздновано

7 декабря 1965 года одновременно в патриаршей Церкви в Фанаре и в соборе Св. Петра в Риме. В июле 1967 года Папа Павел VI посетил патриарха, в октябре того же года состоялся ответный визит патриарха Афинагора в Рим, во

время которого была принята совместная декларация Патриарха и Папы о необходимости поиска путей восстановления евхаристического общения между Восточной и Западной Церквями.

С именем Патриарха Афинагора связано вовлечение поместных православных церквей в общее экуменическое движение современности. Еще в бытность свою греческим архиепископом Северной и Южной Америки он был членом и основателем Всемирного Совета Церквей в 1948 году, который он не оставлял и в продолжение всех 24 лет своего патриаршего служения. Благодаря его настойчивым личным усилиям православные церкви Восточной Европы вступили во Всемирный Совет Церквей в 1961 году.

Расскажем вкратце об этом незаурядном человеке.

Вселенский Патриарх Афинагор — в миру Аристокл Спиру — родился 25 марта 1886 года.

В сентябре 1903 года поступил в богословскую школу Халки. В 1910 году принял монашеский постриг и был рукоположен в дьяконы. После окончания духовной академии назначен секретарем митрополита. За девять лет работы он проявил незаурядные способности в деле организации школ и в управлении секретариатом. В 1918 году Афинагор, следуя за своим начальником, митрополитом Хризостомом, удаляется на Афон. В 1919 году дьякон Афинагор назначается секретарем Синода Афинской архиепископии. В 1922 году, будучи только дьяконом, он был избран митрополитом Корфу. Новый период деятельности начался для него, когда Вселенский Патриарх назначил его в 1930 году архиепископом Северной и Южной Америки. За время своего служения в Соединенных Штатах Америки Афинагор был связан дружескими отношениями с президентами Рузвельтом и Трумэном. После своего избрания на Вселенский престол он прибывает на Фанар в личном самолете президента Трумэна. Вселенским Патриархом Афинагор был избран 1 ноября 1948 года.

Его деятельность на кафедре Вселенского Патриарха в продолжение 24 лет была направлена к двум целям: объединение Православия и единение церквей. После Константинопольских синодов 1848-1872 гг. между православными церквями было мало общения. Превратности истории лишили их возможности пребывать в тесном сотрудничестве, соответствующем духу соборности Церкви.

В окружном послании по случаю недели Православия в 1950 году Патриарх Афинагор говорит о необходимости восстановления православного единства. Он становится инициатором встреч между главами православных церквей и организатором всеправославных совещаний. На первом, почти за сто лет, всеправославном совещании в 1961 году представители поместных церквей пришли к решению готовить созыв Всеправославного Собора. На втором всеправославном совещании было принято решение начать диалог с Римско-Католической Церковью. На третьем всеправославном совещании в 1964 году было решено учредить межправославные богословские комиссии для диалога с англиканами и старо-католиками. На четвертом всеправославном совещании в 1968 году были намечены формы диалога с другими христианскими церквями. Патриарх Афинагор вплоть до своей смерти в июле 1972 года направлял православное участие в экуменическом движении. Однако главным его делом остается примирение с Римом, положившее начало процессу сближения Восточной и Западной Церкви.

Каково же состояние богословских переговоров между православными и католиками на сегодняшний день, почти через 12 лет после смерти их инициатора Патриарха Афинагора?

На это дает ответ выступление представителя Вселенской патриархии митрополита Транополитского Дамаскина, высказавшего православную точку зрения на собеседовании католиков с православными в 1982 году. Митрополит назвал свое выступление "Единством в многообразии" и сказал в нем, что единство в многообразии и многообразии в единстве характеризуют каждую живую Христову церковь, которая должна вступать в органическое отношение

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПРИМИРЕНИЯ

с миром и историей. Историческое одеяние, которое в каждую эпоху принимает воплощенная истина, ни в чем не меняет сущности истины. Драма Церкви состоит в том, что некоторые ее члены не умеют делать различия между сущностью и формой. Некоторые принимают формальную сторону за сущность (такова ошибка традиционалистов), другие релятивизируют сущность (такова ошибка плохо понятого реформизма).

Единство и верность Церкви своим истокам с одной стороны, многообразие постоянных воплощений Истины с другой — есть плоды Святого Духа, Который непрерывно присутствует в истории для того, чтобы Истина Церкви, идентичная Слову Божию, ставшему плотью, не предавалась в своих новых и новых воплощениях в каждую историческую эпоху. Поэтому предательство истины происходит тогда, когда ее хотят законсервировать как музейную редкость или реликвию из страха, как бы ее не затронула история.

В свете этого единства в многообразии и надо задать вопрос: есть ли между Римско-Католической и Православной церквями то единство, которое предполагает евхаристическое общение?

Митрополит Дамаскин отвечает на этот вопрос на основе историко-богословского обзора, оценки сегодняшней ситуации и анализа перспектив на будущее. Он отмечает, что в ходе веков две церкви жили в атмосфере острой полемики, в которой богословские факторы большей частью отрицали единство веры и с обеих сторон раздавались взаимные обвинения в ереси, что в конечном счете, делало невозможным общение в вере.

Однако в настоящее время с обеих сторон отношение меняется благодаря серьезным историческим исследованиям, которые показали неадекватность выражения полноты Таинства веры, а также культурную обусловленность этого выражения. И сегодня все чаще задается вопрос: почему нет евхаристического общения между католиками и православными, если с обеих сторон существуют те же таинства, в частности, то же священство, совершающее единое Христово жертвоприношение, иерархии, которые взаимно признают друг друга, и одинаковая по существу вера.

«Естественно, нельзя забывать, — сказал Митрополит Дамаскин, — что в течение той эпохи, когда между Восточной и Западной Церквями были нарушены канонические отношения, в догматическом плане были внесены существенные различия, главным образом, Первым Ватиканским Собором. На это можно возразить, что и в первые одиннадцать веков христианства, когда доктринальное согласие между Востоком и Западом не было совершенным, и часто возникали разногласия в толковании роли римских епископов внутри вселенского общения церквей, эти разногласия никогда не считались достаточным основанием для разрыва евхаристического общения».

В своей оценке нынешнего состояния отношений между двумя церквями митрополит Дамаскин подчеркивает, что несмотря на некоторые догматические нововведения в Католической церкви единство веры и участие в ре-

лиях Таинства Церкви сохранялись непрерывно, как его завещал Христос Своим апостолам и как оно передавалось в обеих церквях через преемство епископата. Митрополит Дамаскин называет четыре категории догматических разногласий между Востоком и Западом.

1. Те догматы, которые представляют собой присущий Западу философский и богословский способ выражения единой веры Церкви. О законности такого разнообразия выражения говорили еще Отцы Церкви.

2. Догмат об исхождении Святого Духа от Отца и Сына, или "филиокве". Этот догмат существовал в западной традиции в ходе всего девятого века и не считался препятствием к общению, пока последнее не было прервано по другим причинам. Хотя с православной точки зрения он является добавлением к Никейскому символу веры, а подобные добавления были недвусмысленно запрещены и осуждены вселенскими соборами, нужно учитывать тот факт, что Католическая Церковь в настоящее время не требует от Православной исповедания "филиокве", так как таковое не представляется ей необходимым выражением единства Церкви. Поэтому следует делать различие между фактом добавления "филиокве" к Никейскому символу веры и между фактом развития на Востоке и Западе разных пневматологий, т.е. учений о Святом Духе.

3. Что касается католических определений непорочного зачатия и вознесения на небо Преподобной Девы Марии, то они в сущности своей не противоречат вере и почитанию Богоматери православных, хотя православные и не понимают, как католическая формулировка может быть примирена с учением о первородном грехе и может найти обоснование в Писании и Предании. Негативное отношение к этим догматам у нас вызывает и тот факт, что они были провозглашены Западной церковью без согласования с церковью Православной.

4. Главное разногласие связано с пониманием церковной структуры: для Рима первенство римской кафедры есть основа единства Церкви; Восток считает, что эта претензия Рима нарушает епископскую структуру Церкви. Поэтому главную трудность для единения представляет первенство Папы и его непогрешимость. Согласно католическому догмату, Папа, как епископ Рима, "есть преемник апостола Петра, хранителя ключей Царствия Божьего и викария Христа, Который поставил его Первым Пастырем Своего вселенского стада". Отсюда власть Папы над Церковью. В то же время в документах Второго Ватиканского Собора Папа говорит о власти своих "досточтимых собратьев, которых Дух Святой поставил епископами для управления той же Церковью Божией", не отвечая, однако, на вопрос, каким образом его полная верховная власть над Церковью может примириться с юрисдикцией — непосредственной и равно архиерейской — епископа каждой епархии.

При наличии этих разногласий есть ли перспективы восстановления общения между Католической и Православной Церквями? Митрополит Дамаскин так отвечает на этот вопрос:

"Если Рим допустит общение с Востоком, естественно, после всеправославного согласия, то это значит, что Рим недвусмысленно признает

законность епископской структуры Востока. Это включает признание того, что Восток не должен подчиняться структуре папского первенства, которая развилась на Западе. Восток же должен будет недвусмысленно признать, что Запад, несмотря на доктрину первенства, не отошел принципиально от епископской структуры древней Церкви, если он и ввел дополнительный фактор, признавать который у Восточной Церкви нет необходимости.

Признанию того, что и на Западе сохранилась апостольская структура древней Церкви, может помочь, с одной стороны, решимость Второго Ватиканского Собора восстановить епископский строй, с другой стороны то, что Папа в отношениях с Востоком не будет претендовать на юрисдикцию над всей Церковью, каковую признал за ним Первый Ватиканский Собор 1870 года".

Митрополит Дамаскин говорит, что если папское первенство понимать не в юрисдикционном смысле, а как служение и обязательство, которое делает Папу не столько "вселенским архиереем", сколько, употребляя выражение Папы Григория I, "служителем служителей Божиих", то это откроет новые перспективы для сближения. Поэтому христианский мир, живущий надеждой и чающий знаков примирения, ожидает и от Папы четкого объяснения следующих пунктов:

1) Что означает папское первенство: каковы его мотивы, его содержание и его роль в Церкви?

2) Каким образом можно примирить непосредственную юрисдикцию каждого епархиального архиерея в своей епархии с юрисдикцией Римского Епископа над всеми священниками и верующими: т.е. как можно разрешить парадокс подчинения двум разным юрисдикциям, или как можно сохранить за Римом приличествующее ему место в соборе епископов и одновременно сохранить домостроительство Восточной Церкви?

3) Каким образом можно примирить личную непогрешимость Римского Епископа с непогрешимостью Вселенского Собора?

"Перед нами стоит великая и неотложная задача, — сказал Митрополит Дамаскин в заключение, — установить полное общение между разделенными церквями. Если Церковь есть там, где Дух Святой, и наоборот, Дух там, где Церковь, то мы должны быть готовы к поиску и признанию присутствия Духа и за пределами наших собственных канонических границ, при помощи которых мы отождествляем единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. Мы сможем придти к этому, углубляя свою собственную харизму, которая позволит нам признать харизму других.

На самом деле мы не только должны спрашивать себя, позволено ли нам причащаться за одной и той же евхаристической трапезой, но в равной мере и наоборот, спрашивать, позволено ли нам отказываться от общего причащения. Нам необходимо вместе расследовать, на самом ли деле и в какой степени различия между Востоком и Западом оправдывают взаимный отказ в общении. Я думаю, что не должно спрашивать — имеем ли мы право причащаться вместе, а спрашивать: имеем ли мы право взаимно отказывать друг другу в причастии".

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИЗМ

НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

В марте этого года исполнилось 110 лет со дня рождения Николая Александровича Бердяева, вероятно, самого крупного русского мыслителя XX века. В двух словах расскажем его биографию.

Бердяев родился 6 марта 1874 года в Киеве, умер 23 марта 1948 года, в изгнании, во Франции. Философ с мировым именем, он не имел даже законченного высшего образования, так как в молодые годы стал марксистом, за политическую деятельность был изгнан из университета, побывал в ссылке в Вологде. Затем, через углубленные занятия философией, он отошел от марксизма и в течение ряда лет в книгах и статьях критиковал атеистическое и материалистическое мировоззрение русской интеллигенции. Уже до революции Бердяев заявил себя как христианский мыслитель. Советское правительство изгнало Бердяева с группой других известных общественных деятелей в 1922 году. Основные свои книги Бердяев написал за границей. За пятьдесят лет своей философской и публицистической деятельности он написал около тридцати книг и бесчисленное множество статей по самым разным вопросам культуры, философии, искусства, политики, богословия. Центральной темой всего его философского творчества можно назвать тему свободы человека. Свободе и человеческой личности посвящены его главные произведения. Для Бердяева человек является величайшей загадкой в мире не в силу своей биологической или социальной природы, а в силу того, что в мире только человек есть ЛИЧНОСТЬ. Весь мир — ничто по сравнению с человеческой личностью, с уникальностью человеческого лица и неповторимостью человеческой судьбы.

«Именно сознание личности в человеке, — пишет он в своей книге: «О рабстве и свободе человека», — говорит о его высшей природе и высшем призвании. Если бы человек не был личностью, хотя бы не выявленной и задавленной, хотя бы пораженной болезнью, хотя бы существующей в потенции и возможности, то он был бы подобен другим вещам мира, и в нем не было бы ничего необычного. Но личность ни на что другое в мире не походит, ни с чем не может быть сопоставляема и сравниваема. Человек, которого только и знает биология и социология, человек, как существо природное и социальное, есть порождение мира и происходящих в мире процессов. Но личность, человек как личность не есть дитя этого мира, он иного происхождения. И это делает человека загадкой».

Загадочность человека заключается в том, что человек есть нечто большее, чем часть общества или часть рода. Наоборот, говорит Бердяев, это общество есть часть личности, социальная сторона личности, как и род или космос есть часть личности, ее родовая или космическая сторона. И здесь граница власти рода, племени или общества и государства над человеком. Бердяев указывает, что общество всегда было склонно к тоталитарным притязаниям на человека и склонно считать всякий коллектив более ценным, чем человеческую личность. В марксизме эта теория нашла современное выражение. Маркс признавал примат общества над личностью и для него класс был реальнее человека. И несмотря на свою кажущуюся новизну коммунизм возрождает древнее, языческое отношение к обществу и государству, которое признавало безраздельную власть общества-государства над человеком.

Как указывал Бердяев, христианство совершило величайшую духовную революцию, оно духовно освободило человека от неограниченной власти общества и государства. Христианство открыло в человеке духовное начало, которое не зависит от коллектива, зависит от Бога. В этом божественном усыновлении и заключается тайна человека.

«С одной стороны, — писал Бердяев, — христианство как будто унижало человека, признавало его существом греховным и падшим, призванным к смирению и послушанию. Но, с другой стороны, христианство необычайно возвышает человека, признает его образом и подобием Божиим, признает в нем духовное начало, возвышающее его над природным и социальным миром, признает в нем духовную свободу, верит, что Сам Бог стал человеком и этим возвысил человека до небес.»

В традиции христианской мысли Бердяев утверждает, что существование личности предполагает существование сверхличных ценностей. Личности человека нет, если нет бытия, выше нее стоящего, если нет того горного мира, к которому она должна восходить. Личности нет,

если нет сверхличных ценностей. Однако для Бердяева личность не является средством для сверхличных ценностей. Личность есть цель сама по себе, личность богоподобна. Бог сотворил людей личностями из Своей бесконечной щедрости, уподобив их Себе. Существование личности предполагает свободу. С человеческой свободой, указывает Бердяев, связано понятие человеческого достоинства. Человеческое достоинство есть освобождение от всякого рабства, в том числе и освобождение от рабского понимания религиозной жизни и отношения между человеком и Богом. Поразительно, говорит Бердяев, что всякое учение, унижающее человека, унижает и Бога, как его Творца. Бог есть гарантия свободы личности от порабощения властью природы и общества.

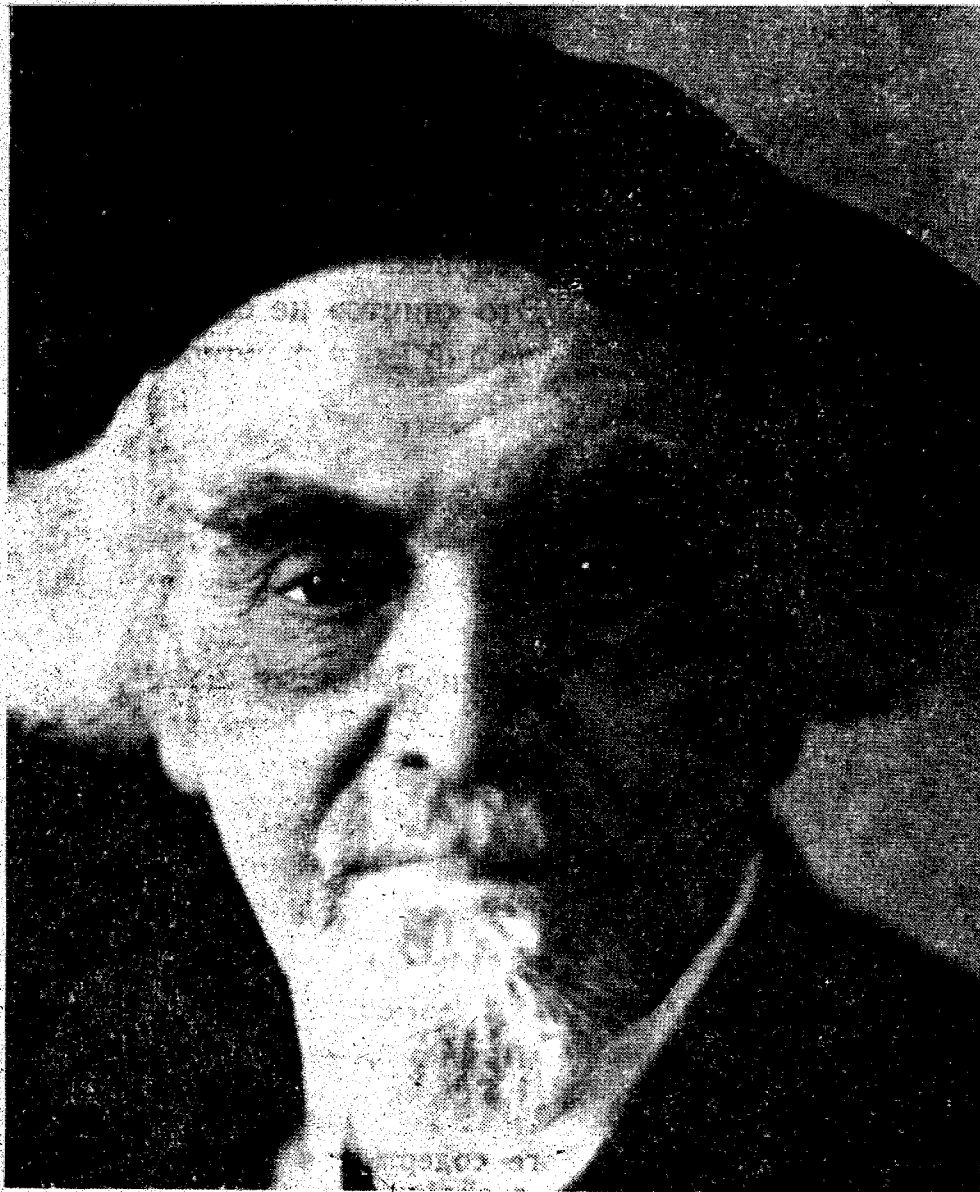
Бердяев называл себя философом свободы. «Для описания своего духовного пути, — говорил он в своей философской автобиографии «Самопознание», в которой он подытожил духовный опыт целой жизни, — я должен настаивать на том, что я изошел в своей религиозной жизни из свободы и пришел к свободе. Но эту свободу я переживал не как легкость, а как трудность. В этом понимании свободы, как долга, бремени, как источника трагизма жизни мне особенно близок Достоевский. Именно отречение от свободы создает легкость и может дать счастье послушным младенцам. Даже грех я ощущаю не как непослушание, а как утерю свободы. Свободу же ощущаю как божественную. Бог есть свобода и дает свободу. Он не Господин, а освободитель от рабства мира. Бог действует через свободу. Он не действует через необходимость и на необходимость. Он не принуждает Себя признать. В этом скрыта тайна мировой жизни.»

Поэтому для Бердяева личность связана со свободой и призванием. Свобода личности совсем не есть ее право, свобода личности есть ее долг, исполнение призвания, реализация Божьей идеи о человеке, ответ на Божий призыв. «Человек, — пишет он, — должен быть свободен, не смеет быть рабом, должен быть человеком. Нельзя отказаться от личности, отказаться можно от жизни и иногда должно отказаться от нее, но не от личности, не от достоинства человека, не от свободы, с которой связано это достоинство. Личность связана с сознанием своего призвания. Каждый человек должен сознать это призвание независимо от размера дарований. Это есть призвание в индивидуальной неповторимой форме дать ответ на Божий призыв и творчески использовать эти дары. Сознавшая себя личность слушает внутренний голос и повинуете лишь ему, она не покорствуется внешним голосам. Величайшие из людей всегда слушали исключительно внутренний голос, отказываясь от конформизма по отношению к миру».

Бердяев показывает, что все ценности — общества, нации, государства, коллектива — относительны перед абсолютной ценностью человеческой личности. В своей книге «Царство Духа и Царство Кесаря» Бердяев писал, что Бог вряд ли замечает изменения границ государств и развал империй, но Он очень замечает гибель одного человека, смерть человеческой личности. Поэтому личность, которая и есть образ и подобие Божье, есть основа свободы и независимости человека в отношении к природе, обществу и государству. Как указывает Бердяев, личность не может быть вполне гражданином мира и государства, она — гражданин Царства Божьего. Поэтому, по мысли Бердяева, именно принцип личности должен стать принципом социальной организации. Нельзя допускать социализации внутреннего существования человека, что совершается во всех тоталитарных идеологиях. Личность не может быть поставлена под знак служения «общему благу». Очень часто, как отмечает Бердяев, тирания и рабство любят прикрываться «общим благом». Личность человеческая свободна сама выбирать свой путь служения обществу. Она неподотчетна ему, она подотчетна только Богу. Но и эта подотчетность есть ее свободное дело.

Поскольку основа свободы человека личностна, духовна, постольку государство, если оно хочет лишить человека его свободы, стремится оторвать его от источника его свободы, от веры. Этим грешат все государственные идеологии. Как пишет Бердяев, чтобы сохранить свою власть над людьми, государство прибегает к идеологической пропаганде, которая есть форма государственного гипноза. Дар властелинов заключается в способности ко внушению. Властвует тот, кто ввергает народные массы в гипнотическое состояние, усыпляет в них

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

личности. Пропаганда играет колоссальную роль, потому что она есть вульгарная форма массового гипноза. Антирелигиозная пропаганда также является одной из форм гипноза, имеющей целью не освободить, а закрепить человека. "Кесарь, — как пишет Бердяев в своей книге "Царство Духа и Царство кесаря", — все больше и больше высказывает по вопросам Духа, хотя бы в форме радикального отрицания Духа. Если императоры говорили, что они призваны не только управлять государством, но и заботиться о спасении душ своих подданных, то теперь новый кесарь тоже заботится о спасении души, хотя бы это было спасение души от религиозных суеверий. Кесарь имеет непреодолимую тенденцию требовать для себя не только кесарева, но и Божьего, т.е. подчинения себе всего человека. Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица. А когда оно начинает слишком интересоваться человеком, то это самое плохое, оно начинает поработать не только внешнего, но и внутреннего человека. Христианство же, как указывает Бердяев, совершило величайшую духовную революцию, оно духовно освободило человека от неограниченной власти общества и государства, которая в античном мире распространялась и на религиозную жизнь. Христос утверждал превосходство Царства Божия над царством кесаря — императора и превосходство личности над коллективом.

Царство же Божие для Бердяева есть в первую очередь свобода. "Бог, — пишет Бердяев в "Самопознании", — действует в порядке свободы, а не в порядке объективированной необходимости. Бог присутствует не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте. Наиболее приемлемо для меня чувство Бога как силы, как всемогущества и власти. Бог никакой власти не имеет, Он имеет меньше власти, чем полицейский. Бог не имеет власти, потому что на Бога и божественную жизнь не переносимы отношения властвования."

Бог отказывается от власти. Он хочет действовать через человека, свободно избирающего сотрудничество с Ним. Бог посылает человеку Свою благодать. Однако во власти человека принять ее или отвергнуть. Но без Бога человек бессилен, и дело его в мире безнадежно. Огромная религиозная ценность человека в том, что он, несмотря на свое падение, имеет в себе божественное начало, "образ Божий", который пребывает в его духе, в его "я" или личности. Его душевное и телесное

существо погружено в мир падшей природы и поработано им, но дух его или личность, остается носителем свободы. Свобода царит лишь в Царстве Божием. А в этой жизни Царство Божие еще не настало, потому мы и обращаемся в молитве со словами: "Да придет Царствие Твое". В нашей жизни свобода позволяет только просветы, прорывы из природного мира. В борьбе с природным рабством человек имеет Бога своим вождем и вдохновителем.

Бердяев верит в Бога, Который, сотворив мир, отказался от Своего всемогущества ради свободы созданной Им жизни. — даже если эта свобода предполагает возможность гибели. Любовь Божия в том, что Он разделяет страдания человека, злоупотребившего своей свободой. Воплотившийся и страдающий Бог делает возможной ответную любовь к Нему человека.

"В Бога можно верить лишь в том случае, — пишет он, — если есть Бог-Сын, Искупитель и Освободитель, Бог жертвы и любви. Искупительные страдания Сына Божьего есть не примирение Бога с человеком, а примирение человека с Богом. Только страдающий Бог примиряет со страданиями творения."

Я мог принять и пережить христианство лишь как религию Бого-человечества. Я стал христианином не потому, что перестал верить в человека, в его достоинство и высшее назначение, в его творческую свободу, а потому, что искал более глубокого и прочного основания этой веры. Мою веру не может пошатнуть необыкновенно низкое состояние человека, потому что она основана не на том, что думает сам человек о человеке, а на том, что думает о человеке Бог. В противоположность многим другим я думаю, что религия есть не чувство зависимости человека, а есть чувство независимости человека. Человек есть существо целиком зависимое от природы и общества, от мира и государства, если нет Бога. Если есть Бог, то человек есть существо духовно независимое. И отношение к Богу определяется не как зависимость человека, а как его свобода. Бог есть моя свобода, мое достоинство духовного существа."

Однако Бердяев предостерегает против ложного спиритуализма, которым в христианстве любили подменять Евангельскую весть. Ложный спиритуализм считает, что личность — это только духовное в человеке, только его душа. Но христианство говорит о нераздельности души и тела в одной личности, так как Дух сообщает форму и душе, и телу и приводит их к единству.

Согласно Бердяеву, должно признать и достоинство человеческого тела, недопустимость дурного с ним обращения, права тела на истинно человеческое существование. Поэтому и проблема хлеба делается духовной проблемой. Права человеческого тела потому уже связаны с достоинством личности, что самые возмущающие посягательства на личность прежде всего бывают посягательствами на тело. Моряты голодом, бьют и убивают прежде всего человеческое тело и через тело распространяется это и на всего человека. Духа самого по себе нельзя ни бить, ни убивать.

Поэтому Бердяев считает, что никакой суверенитет земной власти не может быть примирен с христианством, ни суверенитет монарха, ни суверенитет народа, ни суверенитет класса. Единственный примиримый с христианством принцип есть утверждение неотъемлемых прав человека.

Христос есть самый верный и надежный защитник человеческой личности в мире — вот окончательный вывод философии Бердяева.

Бердяев всегда отстаивал свое призвание и миссию быть свободным религиозным философом. Он не ограничивал Духа его проявлениями в религиозной жизни. Познание, искусство, человеческие отношения — все это сферы духовности. Дух там, где свобода. Но Бердяев оставался свободным религиозным мыслителем внутри православия. Запад даже считал его выразителем православного сознания, что смущало Бердяева, который дорожил своей духовной свободой и своей пророческой миссией и всегда подчеркивал глубоко индивидуальный характер своей мысли. Впрочем, и в православии Бердяев в первую очередь ценил его внутреннюю духовную свободу.

"В результате долгого пути, — писал он в "Самопознании", — я вынужден сознать, что православие неопределимо, гораздо менее определено, чем католичество и протестантизм. Я считал это преимуществом православия, его меньшей рационализированностью и видел в этом его большую свободу".

Бердяева можно считать мостом, связывающим две христианские традиции — восточную и западную. Он — продолжатель линии русской религиозной мысли, духовно связан с Достоевским, Хомяковым и Владимиром Соловьевым. Однако своей философией личности, свободы и творчества он более связан с Западом. Бердяев оказал значительное влияние на европейскую мысль. Он открыл Западу русскую религиозную мысль, но также и создал в 30-х и 40-х годах своих философских последователей во Франции. Французский христианский персонализм, связанный с именем Мунье, основателя влиятельного интеллектуального журнала "Эспри", восходит к идеям и влиянию Бердяева. В "Самопознании" Бердяев горевал, что, хотя его имя известно всему миру, единственная страна, где его не знают и не читают — это его родина. Однако положение меняется. Николай Бердяев возвращается на родину, пусть пока контрабандой. Но его время еще впереди.

САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ

М. ОРТОВ: ПРАВОСЛАВНОЕ

В зарубежной печати прошла дискуссия вокруг проблемы религиозного возрождения в России и возможных опасных последствиях авторитарной и теократической концепций, развернувшихся вокруг статьи В. Чалидзе. Как видно из статьи М. Ортова, эти же проблемы волнуют верующих и неверующих внутри страны. Статья, как отмечает и сам автор, отнюдь не бесспорна, острополемична и глубоко искренна. Мы надеемся, что обсуждение поставленных в ней вопросов позволит ясней представить основные тенденции развития либерального и православно-либерального движений в нашей стране.

* * *

"Не верят в силу духа, верят лишь в дух силы. Вместо того, чтобы видеть цель в духовной жизни и культуре, видят ее в государстве и росте могущества."

Н. Бердяев

Возрастает значение и роль религии и церкви в мире. Все увеличивающееся число общественных явлений и политических событий либо выливается в религиозно осознанную форму, либо непосредственно возбуждается религиозными и конфессиональными идеями и процессами. Мощная религиозная компонента общественной и государственной жизни Израйля, кипрский конфликт, гааянская трагедия, арабский мусульманский "политический ренессанс", иранская теократическая революция, путешествия римского понтифика, возрастание роли католицизма в США, Польше, Литве, начало "православного возрождения" в советской России — ряд внешне противоречивых, но внутренне взаимообусловленных и генетически родственных событий и процессов.

Не будем анализировать глубокие исторические, культурные, политические и психологические корни процесса возрождения мировых религий: это тема серьезной научной монографии. Поразмыслим о некоторых аспектах религиозного сознания в статусе церкви в современном мире. И опять: не в рамках мирового сообщества. Слишком трудна и многообразна тема. Рассмотрим явление "православного ренессанса" в рамках того общества, в котором живем мы, советские граждане. Того общества, с которым связана наша жизнь и смерть; с которым была связана преждевременная насильственная смерть слишком большого числа людей и с которым связана искалеченная духовно и материально жизнь в с е х его членов сегодня.

Что несет нам поворот общества к Христу? И к нему ли поворачиваемся мы? Нужен ли Он со Своей универсальной космополитической Истиной, для которой "нет различия между Иудеем и Еллином" (Рим, 10,12) православному "народу-Богоносцу"?

Точка зрения, которая будет высказана ниже, спорна. Но даже если бы она была логически и фактически бесспорна, думаю, что возмущенных критиков из патриотов-россиян было бы все равно больше, чем союзников.

Широки сегодня ряды армии православного воинства: от полковника КГБ и маршала армии до известного пророка-диссидента. И где-то в середине — охранка. Пока что охраняющая памятники старины... Я пишу не для них.

Сегодня в движении религиозного возрождения широк не только спектр людей, но и спектр идей. "Культурный слой" православия тучен и гораздо более привлекателен, чем "культурный" слой марксизма. Книга пророка Исая — не "Анти-Дюринг", а Нагорная проповедь — не "Моральный кодекс строителя коммунизма". И не только по идеям, но и по форме. В православное наступление, вожди которого не скрывают свои теократические и шовинистические идеалы, все больше и больше вовлекается интеллигенция. Космополитическая и свободомыслящая, а потому и по-настоящему христианская по своей сути. Интеллигенция, которой шовинистические страсти народа-Богоборца должны быть столь же отвратительны, как и национальная патетика сверхчеловеков нацизма и "интернационалистический" пафос избранного коммунистического народа-пролетариата.

Культурная волна и "свежесть", неофициальность (пока еще!) движения увлекает молодежь. Она идет за авторитетными вождями и в поисках надежной опоры находит национализм, который так привлекателен сегодня в своей православной оболочке. Она ищет лекарства от советской культурной тошноты — и ей подсовывают все ту же оголтелость, но в сладкой облатке Романа Сладкопевцева, оголтелость, ароматизированную Рублевым, Дионисием и Бердяевым.

Неужели в результате культурной революции обветшавшее здание российской деспотии гальванизируется новым взрывом энтузиазма: на этот раз православного? Существует опасность, что потенциальные православные автократы сумеют обмануть не критическую и отвыкшую от самостоятельного мышления молодежь и на российской имперской

тюремной вывеске "марксизм, социализм, народность" будет сменена старой вывеской "православие, самодержавие, народность", а порядки в тюрьме останутся все те же.

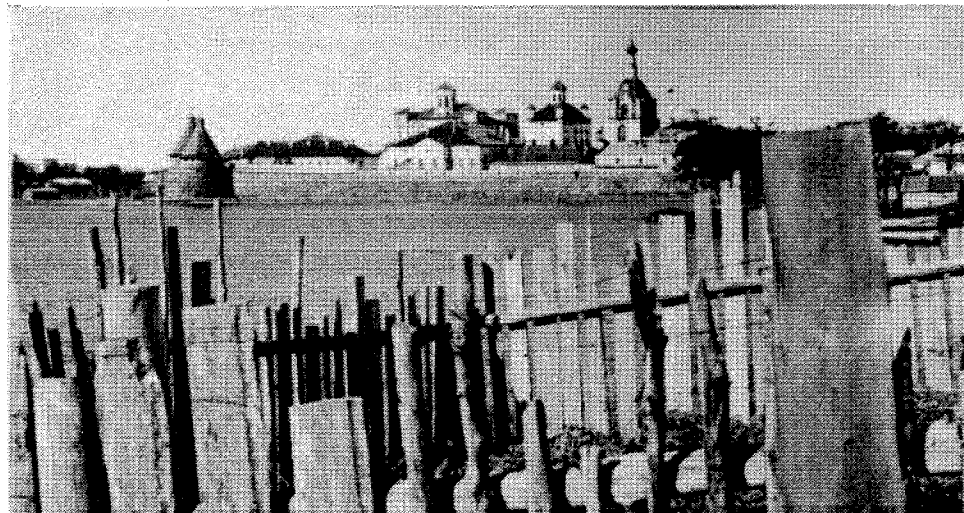
Люди очень склонны забывать уроки истории. "Единственный урок, который мы извлекаем из истории, — это то, что мы не извлекаем из нее никаких уроков", — мысль, как это ни печально, очень правильная.

Для того, чтобы понять место и роль религии и церкви в жизни нашего сегодняшнего или будущего общества (если у них есть это будущее!), нужно поставить диагноз сегодняшней болезни страны. Называлось множество факторов, определивших генезис современного советского общества: отступление от "подлинного марксизма", нарушение ленинских норм общественной и политической жизни, материалистическая идеология, татарское иго, атеизм, шовинизм, мистические тайны русской души и русской истории, происки международного национал-социализма, пьянство, происки международного масонства, происки германской агентуры, бесовство вырожденцев-социалистов и т.п. и т.п.

Думаю, что причин загнивания советского общества очень много. Трудно уложить все в четкую систему. Политическая схема функционирования русского имперского социума убедительнее всего изложена в работах А. Янова. Но нас интересуют не причины заболевания, не бактерии, поразившие организм, а само наименование главной и определяющей общественной болезни. Ведь еще нужно доказать, а пока это еще никому не удалось, что то, что имеется сегодня в русской империи — это патология, а не естественное развитие задатков специфического русского общества. Но по поводу наименования заболевания споров не существует: общественный тоталитаризм и нравственно-интеллектуальный конформизм. Поэтому все, что каким-нибудь образом рассматривает стальную клетку тоталитаризма, — способствует зарождению общественной динамики, краху государства-концлагеря. При обязательном условии: средства не должны быть аморальны, безнравственны. В этом смысле работают в сторону освобождения общества: правозащитное демократическое движение, борьба верующих за свободу совести, еврейская эмиграция, вольная неподцензурная литература, честная подцензурная литература и искусство. И в этом же смысле работают в направлении укрепления тоталитарной империи все те, кто протестуя против с е г о д н я ш н е й формы общественного тоталитаризма (начинающей слабеть), ратует за новую, более крепкую форму тоталитаризма: имперские шовинисты, православные теократы. Собственно говоря, то и другое течение в русской истории всегда выступали в слитом виде. Именно эти люди расписывают малопривлекательные палаты самодержавия и казенной христианской церкви в яркие краски золотого века, с рыданием причитают: "Ах, яички! Ах, куличики!"

Очень легко и просто повторить сегодня ошибку, превратившую освободительную февральскую революцию в невиданную тиранию. Нужно только пренебречь политической формой организации общества и вновь объявить главной целью не правовые общественные идеалы и политическую структуру, защищающую их от похотливых и охочих "добрых молодцев", а более "глубинные" идеи — идеи казенного принудительного вероучения. Казенная идеология и казенная мораль всегда безотказно приводят к тоталитаризму. И не имеет никакого значения, что является содержанием к а з е н н о й идеологии: истинная религиозная вера, идея расовой исключительности или марксистская лже-религия.

Не будем забывать, что общество, в котором действовал Вели-

Знаменитый Соловецкий монастырь. С 17-го по 19 век служил местом заключения старообрядцев; в 20-х и 30-х годах нашего века — местом заключения православного духовенства. Сейчас заброшен.

САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

кий Инквизитор, было основано на Библии, на христианской идеологии.

Люди, говорящие о внутренней силе огосударственного христианства, о золотом православном дореволюционном веке, никогда не могут объяснить:

1). Почему в стране с почти тысячелетней христианской культурой через 15-20 лет после большевистского переворота — истинно верующих почти не осталось?

2). Почему в этой благолепно-христианской стране оказалось достаточно палачей и доносчиков, чтобы зверски уничтожить миллионы людей?

3). Кто же победил на полях гражданской войны 150-миллионный народ, свято преданный истинам православной веры, чистой и могущественной?

На первый вопрос раздается ответ: "Христианство выжило, смотрите, как оно нарастает сегодня". Но нарастает сегодня не столько христианство, сколько шовинистическое модное православие. Среди людей, посещающих православные храмы, христиан не так уж много. И если говорить о действительно увеличившемся числе христиан, особенно молодых, то их преобладание от старой русской православной церкви — очень условно и сомнительно. И, потом, — это сейчас. А что было 30 лет назад?

На два вторых вопроса слышим обычно заявления об интернационалистических европейских инсургентах, жидах, китайцах и латышах. Но ведь побежденным оказался столетиями миллионный народ с могучим чистым национально-религиозным духом... Что не очень убедительно получается.

Не очень убедительна — была и есть — связь казенного духовенства с жандармерией: буде то охранное отделение, буде то КГБ. Уже при Петре I отцам-исповедникам вменялось в обязанность "стучать" на своих прихожан. Сейчас дело обстоит не лучше: и я, и многие мои друзья-христиане никогда не рискуем исповедаться неизвестному священнику, так как никаких иллюзий о тайне исповеди ни у кого нет.

Истинные отношения православного движения и современной охранки открыто проявились на недавних "православных" процессах в Москве. И если отец Глеб и мирянин Огородников выбрали страдание и верность Господу, то три именитых православных деятеля убедились, что их православный шовинизм и национал-шовинизм КГБ — это почти одно и то же. Люди, разделенные решеткой, вдруг поняли, что они друзья и союзники, а не враги. Решетка должна была упасть — и она упала.

Именно потому, что идеал казенно-православного христианства за длительный период Российской империи, морально изжитый и полинявший до предела, сегодня опять золотится и поднимается как новый общественный идол, я считаю необходимым обсудить эту опасную идею: идею теократического государства, как лучшей и "наиболее христианской формы" организации общества.

Нет правды ни в идее секулярного социума, ни в идее теократического государства. Единственной достойной формой организации общества является демократическое государство, носитель Права, и отделенная от него независимая Церковь, носитель Морали и Завета. Казалось бы, оптимальной ситуацией является положение, когда государство и церковь существуют бесконфликтно. Но такая ситуация невозможна, так как право и мораль сплошь и рядом встречаются друг с другом не на почве понимания, а на почве конфликта. Это обусловлено глубокими внутренними причинами.

Сама по себе идея конфликтности права и морали глубоко коренится и в христианской догматике, и в христианской телеологии. Постоянно устойчивым, бесконфликтным общество не может быть в принципе, так как это противоречит христианской идее хилиастической направленности Истории, развитию общества в направлении соединения с Богом в новом Иерусалиме. Именно поэтому динамичная биполярность морально-правового общества, в соответствии с учением церкви, в конце концов будет нарушена антихристом, который соблазнит народ от имени Христа. Антихрист стянет в свою власть в свои руки, превратит биполярное общество в теократическое государство, подменит право казарменной моралью, суд акцептуальный превратит в суд над мотивами поступков, толковать которые будет бюрократическая псевдоцерковная администрация, служащая деспотии.

Таким образом, до времени исполнения сроков церковь не может и не должна "подминать" под себя общество. Но возникает вопрос: нужна ли другая общественная структура, кроме церкви? Разумеется, нужна. Истинная Христианская Церковь — двухмирна. Часть ее, во главе с Верховным Иерархом — надмирна. Но другая часть — мирская. В анархическом обществе не может существовать сложное и много-

гранное искусство, наука, культура. Следовательно, не может существовать мирская церковь, так как для нее требуется высокий культурный уровень общества. Выжить христианская церковь может и в катакомбах, но развиваться она может только в демократическом правовом культурном государстве.

Конфликтность права и морали вытекает из самой их природы. Правда относится к морали так же, как акция (действие и его внешний результат) к мотиву этой акции. Если бы результат любого действия и механизм действия, то есть его реализация в актуальном мире, всегда и вполне соответствовал его мотивам — никакого конфликта бы не было. Но в результате человеческой несвободы в отпавшем от Бога, во зле лежащем мире, благие мотивы причудливо трансформируются в нечестивые и трагические акции, а нечестивые мотивы Промысла направляет на благие результаты. Само наличие Господней Воли в этом мире доказывается не безусловной зависимостью акций

от мотивов. Но дело еще и в том, что в силу нашего несовершенного человеческого естества, и ст и н н ы е мотивы действия сплошь и рядом мы либо вообще не сознаем, либо осознаем гораздо позже реализации самого действия. Психическая несвобода человека, обусловленная большой ролью неосознанных, подсознательных влечений и мотивов, убедительно была продемонстрирована Фрейдом и всей венской школой. Можно (и нужно) не принимать пансексуальные спекуляции фрейдизма, но нельзя не считать достаточно убедительным накопленный в рамках психоанализа эмпирический материал и вполне аргументированные заключения о громадном, временами определяющем, значении неконтролируемых со стороны рации мотивов, импульсов и побуждений.

Динамика человеческого существования разделяется на два слоя. Первый: слой мотивов, намерений, душевных движений; второй: слой непосредственных действий в мире видимом. Такой подход соответствует тринитарной модели человека, принятой в христианской антропологии: дух-душа-тело (см., например, Войно-Ясенецкий "Дух, душа, тело"). Первый слой соответствует душевному уровню структуры, самовыражению человека в области душевных движений. Второй слой — телесному уровню. Уровень же духовный, по своей привязанности к фундаментальным, вневременным формам самовыражения, связанным с созерцанием вечных Божьих сущностей, не может рассматриваться применительно к мелкомасштабной цепи временных событий, и поэтому — при анализе моральном и правовом — должен быть опущен.

В то же время духовный уровень е д и н с т в е н н ы й, на котором реализуется действительная, а не кажущаяся, свобода воли, дарованная человеку Богом. На телесном уровне возможность наших действительно свободных поступков настолько заземлена фактически существующими возможностями, а результат акций настолько опосредован и редуцирован (иногда до неузнаваемости) физическими законами, материальными условиями, самим социумом, что говорить о какой бы то ни было "свободе" трудно. Душевный уровень кажется несколько более свободным. Но нужно учесть громадное психическое давление на нас: изнутри — подсознательных комплексов, извне — психического поля близких и, в меньшей степени, далеких людей, всего социума. Сами условия существования обуславливают нашу ущербность. Жесткий общественный стереотип оценок делает нас, до известной степени, душевными автоматами так же, как материальные условия существования делают нас автоматами биологическими. Врожденные и воспитанные "инстинкты" мощно подавляют свободу наших душевных движений.

Надо признать, что нет полной свободы ни на телесном, ни на душевном уровнях.

Только на духовном уровне достижима полная свобода. Здесь ее просторы безбрежны, как безбрежен Бог, ибо на этом уровне осуществляется выбор: с Богом или без Бога наш путь, к вечной жизни или к вечной гибели, к свету или к тьме. Другой свободы, другого выбора — нет. И только этот выбор, в конечном счете, является единственным аргументом Суда Божьего. Но судит тут себя сам человек. И наказание — в самом выборе: "Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во Имя Единородного Сына Божия" (Ин. 3.18).

Именно на духовном уровне реализуется свобода человека. Уверовав и стяжав Духа Святого, он уносит его на более низкие душевный и телесный уровни. Мысли и дела его очищаются в Боге, и он из социально-психического механизма, полуавтомата становится свободным человеком: "И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными" (Ин. 8.32).

Таким образом, в в ы ы с ш е м с м ы с л е Суда быть не может. Если человек не уверовал в Сущего — он автомат, социальный механизм. Суд над автоматом — абсурд, такой же абсурд наказание автомата. А "верующего в Него" — не судится, хотя в принципе, суд над ним, как над свободным человеком, возможен.

Значит, суд не нужен вообще?!

САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ

Если бы обращение к Вневременной Тайне, к Богу, не протекало таинственным образом в о в р е м е н и — да, суд был бы не нужен. Но обращение — процесс, происходящий во времени. И поэтому, суд права и суд морали — нужны. Для того, чтобы существовало общество высокого культурного уровня. Для того, чтобы настроить социум в максимально возможной степени на Божью волну. Для того, чтобы быстрее подвести человека к границе Богопознания, за которой — тайна. Переступить эту решающую границу никто не может сам, но каждый может свободно открыть душу свою, ждать и просить еще неведомого Бога перевести его через эту черту: "Помоги моему неверию". (Мк. 9.24).

Следовательно, и право, и мораль имеют вполне четкую целевую направленность. В мире без Бога они просто не нужны. Более того, мораль и право не нужны и тем объектам Божьего мира, которые непосредственно не могут осознать идею Сущего. Что такое право для камня? И что такое мораль для травы?

Не может существовать просто право и просто мораль. Существует только Божье право и Божья мораль. И это единственно нерушимые абсолютные идеи в нашем относительном мире. Их абсолютность — от Бога. Тяжел или легкий предмет, весящий 25 кг? Вопрос неосмыслен. По сравнению с весом тепловоза — легкий. По сравнению с весом коробки спичек — тяжел. Но вот: преступник или нет убийца пятерых людей? — Да, он преступник. И по сравнению с убийцей ста человек, и по сравнению с убийцей одного человека. Другой вопрос: предосудительна ли жадность, материальное стяжательство? Предосудительна всегда. И по сравнению с похотливостью, и по сравнению с трусостью, и по сравнению с добротой.

И вот, оказывается, мы утверждаем, что Божье право и Божья мораль — антиномичны, что они могут противоречить друг другу. Не богохульна ли сама постановка вопроса? Богохульна только для очень плоского мышления. Парадоксальность, антиномичность — в природе мира, в "природе" Бога. Все истинно живое, сущее — парадоксально: и Таинственная Троица, и человек, и червяк, и симфония. Парадоксально отпадение Твари от Творца. Парадоксальность — фундаментальное свойство мира: от микрообъекта волна-частица до Всевышнего. Все творение Господне несет на себе след непостижимости Бога для нашего ума.

В силу именно этой антиномичности, очень опасно смешение моральных и правовых общественных институтов, моральных и правовых координат общественной жизни. Здесь на одном неправом конце секулярное государство, не признающее духовной автономии церкви, общин верующих, на другом — теократическое государство, карающее за "неправильную" веру, потерявшее способность различать право и мораль, акцию и мотив. Разумеется, различие между тем и другим — чисто внешнее. Они суть одно и то же. Государство, декретирующее мораль ("Моральный кодекс строителей коммунизма"), ничем не отличается от церкви, сжигающей еретиков за "неправильную" веру. Каким путем происходит объединение морального и правового общественных институтов в руках одной деспотической монополии — неважно. Результат один — издевательство над человеком, носителем свободной Божьей Воли, издевательство над Богом. Государство никогда не в состоянии подняться до моральной высоты Истинной Христовой Церкви, а церковь, к сожалению, очень легко профанируется государственной структурой.

Христос категорически разделит функции Церкви и государства: "...кесарево кесарю, а Божие Богу" (Мф 22.21). Он же, выступая как основатель Церкви и от ее лица, неоднократно отвергал идею суда одного ее члена над другим: "Не судите и не будете судимы" (Лк. 6.37), "...кто поставил Меня судить или делить вас?" (Лк. 12.14). Об этом же говорит и главный земной идеолог и один из первооснователей апостольской церкви — апостол Павел: "Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь". (Рим. 12.19).

Как истолковать эти заявления: как призыв к анархии или к немедленному установлению Царства Божия на земле?

Ни так, ни эдак. И Христос, и Павел говорят об истинном, окончательном и безошибочном суде. Этот суд оправдывает и осуждает не на основании поступков, а на основании искренних мотивов в этих поступках. И с этой точки зрения жестокий Великий Инквизитор может оказаться милее Богу, чем спасающий себя в стороне от людей в умеренно комфортабельной обстановке филистер, претендующий в Царстве Небесном*

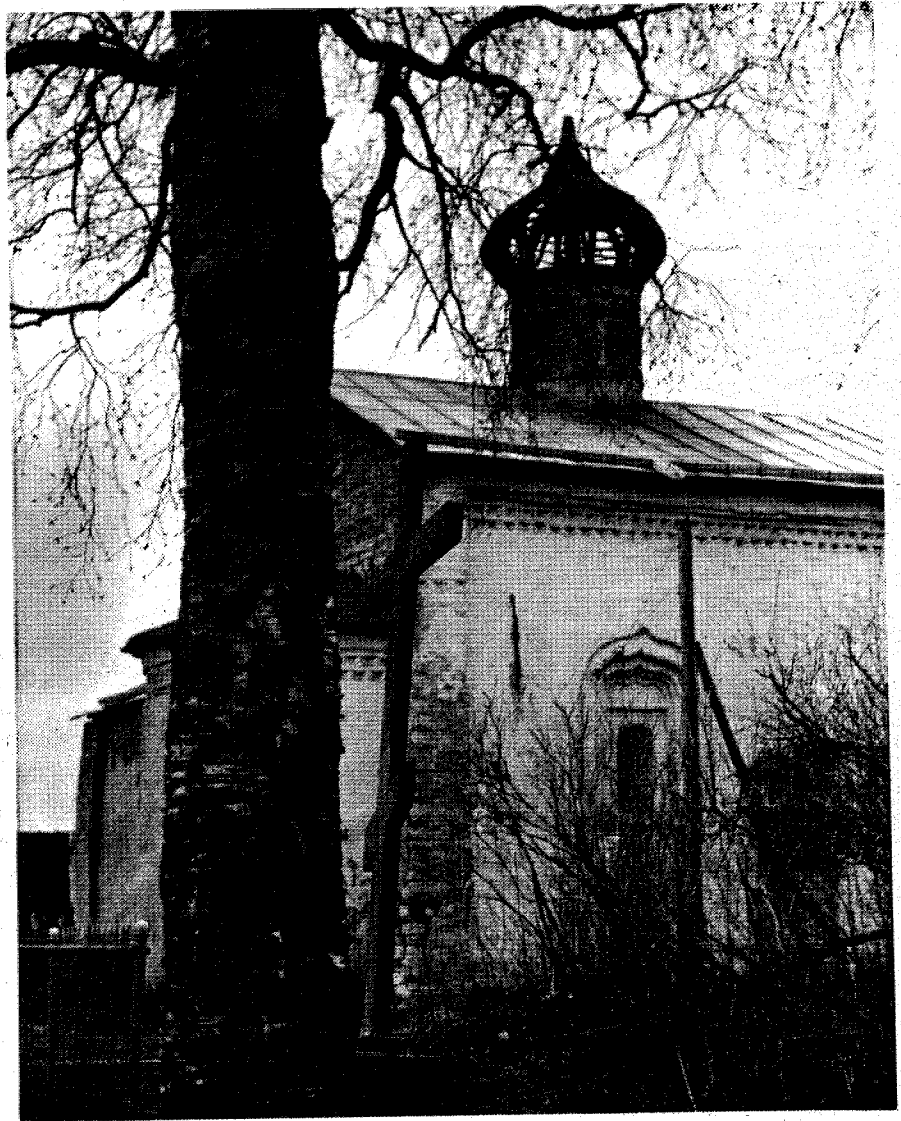
Не владаю ли я в противоречие, осуждая воинствующих теократов и шовинистов и в то же время утверждая главенство мотивов над акцией, практикой? Ведь теократы тоже жаждут облагодетельствовать человечество, во всяком случае, в лице русского народа. Нет, противоречия тут нет. По аналогии с коллизией Великого Инквизитора верующие шовинисты и теократы в том случае могли бы претендовать на поцелуй Христа, если бы они, как и Инквизитор, произнесли: "Мы давно уже не с тобой, а с ним". Если бы искренне, но неверно пытаюсь

* В этом месте фотокопированную рукопись, дошедшую до нас многотрудными путями, было невозможно восстановить.

спасти людей, они сознательно шли бы на гибель собственной души, на вечные муки! "Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее". (Мф. 16.25). Но большинство православных ортодоксов в первую очередь озабочены спасением собственной души. Даже с помощью самых бессмысленных, ничего не дающих ближним упражнений: будь то чрезмерные посты, вериги и подвиги самоуничтожений (которые паче гордыни и никакого отношения к истинному смирению обычно не имеют).

И снова повторяю: да, мотив важнее действия!. Но не нам судить о мотивах. Великого Инквизитора судил Сам. Без этого вся притча не имела бы никакого смысла.

Именно в большей фундаментальности мотива, по сравнению с акцией, заключается моральная аксиоматичность кантовского категорического императива: суть не во внешнем богодействии, а в направленности против себя во имя ближнего. Суд мотивов — суд моральный. Его исполняет совесть — личностный элемент Божьего Суда.

Земной правовой суд не может претендовать на такую глубину. Значит ли это, что земной суд нам не нужен вообще? Нет. Безусловно, нужен. Как паллиатив, как профанированный вариант морали, направленный на развитие и поддержание высокой общественной интегральной структуры. Право — тоже дар Божий. Фундамент юриспруденции не в римском праве и не в законах Хаммурапи, а в Декалоге, начертанном на Скрижалях Завета. Право неизбежно актуально, и поэтому, по отношению к незамутненной Божьей Правде будет ошибаться — и довольно часто. Но без права не может существовать культурное общество, в котором всегда (до момента хилястического завершения истории) не все будут моральны, не все будут сыны света, так как сатана будет повергнут только в конце времен. А без культурного общества не может существовать земная культурная церковь — носитель морали.

Значит, человеческому обществу необходимы и право и мораль. И их носители: секулярное государство и негосударственная церковь, существующие совместно, но неслиянно. Их слияние в человеке. Человек, призванный к одновременному соучастию в мире горнем и дольнем, должен жить в двух, несовпадающих полностью измерениях: правовом и моральном. Как гражданин правового общества, организованный социума, он должен соблюдать законы. Но не те законы, которые бездарно экспроментирует деспотическая и неграмотная власть, а те законы, которые вытекают из Божественного Закона. И как гражданин горнего мира, призванный к жизни вечной, он должен не только соблюдать, но и жить в морали. Не просто контролировать мотивы и помыслы, но и воспитывать их, очищать свою Психею и разум. Нужна не только дисциплина действия, но и дисциплина мысли, ощущения, восприятия, помысла. По словам Честертона: "...нужна дисциплина радости и тренировка благодарности". Еще лучше сказал

САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ

Паскаль: "Постараемся же мыслить достойно: в этом — основа нравственности".

Таким образом, необходимые условия существования и основные функции Церкви — противоречивы. Ее внешняя среда должна быть средой правового культурного общества, которое немислимо без акцептуального суда. Но как ассоциация, неразрывно связанная с этим обществом, церковь сама должна соответствовать нормам деятельности, внешним формам организации и идеям правового общества постольку, поскольку она — двумерна, а ее члены — двумерны (в морально-правовом аспекте). Но в то же время, Церковь — носительница Завета, идей Божьего Суда, Суда морали, отвергающего профанированный суд права. Как же можно примирить, снять это противоречие?

Во-первых, церковь не должна ни под каким видом и предлогом связывать себя морально и по существу с мирским судом. Нельзя повторять страшную ошибку создания институтов инквизиции западной и восточной (под инквизицией восточной я имею в виду церковно-государственные гонения на нестяжателей, раскольников и сектантов

всякого рода). Церковь, связавшая себя с мирским судом — падает. Она, по определению, должна быть выше правового суда, ближе к истине. Это — главный порок теократической системы.

Во-вторых, пропасть между моралью и правом должна быть заполнена гуманным, милосердным отношением к правонарушителям. Задачей церкви является не только деятельность, направленная на минимализацию судебно-правовых ошибок, не только забота о совершенствовании правовых норм жизни общества (не директивная, а просветительская и исследовательская), но и руководство делом заботы и благотворительности по отношению ко всем без исключения правонарушителям. Что же говорить об отношении истинно Христовой церкви к практике грубейшего попрания законности в судебной деятельности государственного суда? Что говорить о невозможности для церкви мириться с законами, грубейшим образом попирающими истинные права? Право человека на общедоступную свободу деятельности, свободу совести, собственность? Не к чести русской православной церкви следует сказать, что она не оказывала сколько-нибудь значимого сопротивления судебно- и правовому произволу ни самодержавно-православных, ни коммунистически-самодержавных правительств России. Когда лучшая часть советской интеллигенции поднялась на защиту совести и прав человека, православная церковь молчала. Впоследствии некоторое количество членов русской православной церкви вступило на путь этой справедливой борьбы, но лишь как независимые члены общества.

Две оппозиционные организации были созданы целиком на платформе русской церкви: террористический (по замыслу) ВСХСОН и Комитет защиты прав верующих. Комментарии по поводу террористического, насильственного пути для верующих христиан — тривиальны. По поводу второго: почему христиане должны защищать только

верующих? Было бы достойно, если бы церковь встала на путь защиты любого пострадавшего от государственного произвола человека.

С другой стороны, государство, власть не должны посягать на область идеологическую. Идеологическое государство — такой же монстр, как и государственная церковь. История дала нам два примера чисто идеологических государственных устройств: фашистское государство и "коммунистическое" государство. По своей глубинной сути такие государства мало отличаются от теократического государства: тот же культ руководителей, то же отчуждение человека от всех общественных функций. Характерная черта и тоталитаризма и теократии — сакрализация государства и государственно-административной деятельности. И тут и там железный охранительный правовой барьер вокруг сакральной государственной власти: в Византии — закон об оскорблении императорского величества, в СССР — закон об ответственности за антисоветскую деятельность (ст. 70 УК РСФСР) и Византия, и советская власть создали право на базе идеологии. Такое право судит "не по букве, а по духу законов", и надо сказать, что там и тут этот дух — зловонный.

Кстати, характерный пример смешения права и морали, пример безграмотной и злонамеренной путаницы — ст. 70 УК РСФСР. Квалификация преступления, совершенного по этой статье, учитывает наличие "умысла", т.е. мотива действия. Надо ли говорить, что "статья закона", сформулированная таким образом, одна может заменить (и заменяет) все охранительное государственное законодательство. Умысел не может быть доказан прямыми уликами. Косвенные улики могут быть истолкованы (и толкуются государственными чиновниками, исполняющими роли прокуроров, следователей, судей и т.п.) совершенно произвольно. К тому же эта статья обесмысливает все остальное уголовное законодательство, так как принцип запрета на построение обвинения только на косвенных уликах оказывается нарушенным. Становится непонятно, почему можно обвинить в "антисоветской деятельности" человека, использовавшего вместо пипифакса (дефицитный все-таки товар) орган ЦК КПСС, да еще с портретом самого лучшего... самого мудрого..., и нельзя обвинить в этом же преступлении директора пипифаксного комбината, чей злой умысел при невыполнении плана, может быть, и прозвевал в дальнейшем прицеле эту террористическую акцию? Почему бы не обвинить в этом же самом преступлении и руководителей партии и, поскольку общее руководство плановой и централизованной экономикой лежит на них, а при их мудрости и дальновидности возможно, что нарушение пропорций и несогласованность планов заранее предполагали окончиться указанным безобразным актом и были на него направлены? И вообще, почему бы не обвинить первого попавшегося прохожего в покушении на убийство соседа, коль скоро он никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет отвертеться и доказать у него отсутствие "умысла" и отделаться от последнего именно таким способом?

Сделаем серьезный вывод из несерьезных примеров: игнорирование различия между мотивом и акцией полностью ликвидирует всю правовую систему. Поэтому все идеологические государства — и тоталитарные и теократические — это государства без права, государства административного произвола.

Сегодня идеи теократизма, государственной религии, реставрации "исконно русского исторического Православия" пугают многих. Пугают они и истинных христиан. Это самое черное будущее для страны и для христианства. Не так уж важно, какой деспотический авторитарный орган правит страной: ЦК или синод. Не так уж важно, что поют перед официальными собраниями: "Интернационал" или "Царю небесный...". Второе — хуже. Это не только крушение либеральных надежд, но и страшная профанация Живой Религии, которая не терпит казенной мертвечины. Теократическая идеология сегодня много опаснее, чем коммунистическая: эта — уже труп, хотя разлагаться и отравлять мир она может еще долго. Теократическая же идеология, не уступая коммунизму по жажде власти, по приверженности к казарменной схеме и строевому ранжиру, по пренебрежению к правам личности, — имеет сегодня много adeptов. И появляются ныне социологические и художественные произведения, в которых хилиастическое царство оказывается не впереди, а позади: в дореволюционной России. Оказывается непонятным только: откуда взялось коммунистическое бесовство? Но ответ прост: из Европы, немцы у нас революцию сделали, ну и, конечно, евреи виноваты. Неизбежная принадлежность низового исторического православия — антисемитизм. По нему, в частности, можно диагностировать сторонников теократии. Да еще по требованиям ко всем народам повиниться перед русским народом. Короче: по отсутствию любви, по гордыне исключительности русского народа (народ-Богоносец, Третий Рим), по нежеланию возлюбить друг друга, а стало быть — и другие народы, не только русский. По нежеланию и на себя взять грех, на себя принять хотя бы часть вины за страшное состояние русского общества, не только на других валить.

Теократия — это не выход, а мрачный тупик.

Путь христиан нашей страны сегодня: рядом с либерально-демократическими деятелями воспитывать людей: словом, книгой, помощью, примером. И величайшим из примеров — жертвенностью.

САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ

О ВЕРЕ:

ЛЕВ ДРУСКИН

Верю ли я в Бога? На этот мучительный для меня вопрос я отвечаю отрицательно.

Но горюю и завидую, потому что верующим легче.

Я поэт, я знаю, что такое подсознание и интуиция. И все же главное для меня — понять.

И я изо всех сил старался понять.

Я перебирал в уме десять заповедей: не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего... И недоумевал — ведь это кодекс любого порядочного человека.

А люди глубоко верующие крали, желали жену ближнего своего, устраивали войны. И два священника именем Божиим благословляли каждый свою армию.

Я жадно расспрашивал верующих. Они не обижались, но отвечали:

— Сначала надо уверовать, а не понять. Понимание придет потом.

А если не придет, это тоже не имеет значения. Главное — вера.

Лишь один человек (довольно цинично) попробовал объяснить:

— Вот предположите, что вы евнух, а я — нет, и перед нами обнаженная женщина. Сумеете ли вы понять мои ощущения?

— Да, — ответил я, — сумею. У нас с вами есть общее — язык.

Вы мне обо всем расскажете. Ощутить не смогу, а понять смогу.

Я прочел изумительную книгу отца Сергея Желудкова "Почему к я христианин?" Меня потрясло, с каким бесстрашием и с какой честностью он собрал в начале книги аргументы противников религии.

Я убедился: человек вышел на бой с открытым забралом.

Но, когда началась эта схватка, она началась с того же:

— Сперва надо уверовать.

И я продолжал задавать себе и другим все те же вопросы:

— Почему умирают маленькие безгрешные дети? Почему войны?

Почему вчера в нашей парадной злодей убил женщину? Почему Бог это допускает?

Кто-то привел мне мысль Бердяева, что Бог — не околоточный. И добавил:

— Человеку дана свободная воля.

Но если Бог равнодушен к моей судьбе, во всяком случае, пока я не уверую, да в общем-то и потом, то какая разница, существует Он или не существует?

Я понимаю, что с точки зрения верующих я кощунствую. Но я не хочу кощунствовать. Я просто пытаюсь понять.

Я знаю изречение: "Не мудрствуйте лукаво!"

Но если Бог дал мне свободную волю, то Он дал мне и разум. Дал ведь для чего-то? Почему же я не имею права размышлять?

Я не могу, к сожалению, читать философии, тем более религиозной. У меня иной склад ума.

Я спросил:

— Кого мне почитать из философов? Кто легче?

Мне посоветовали Спинозу.

Это было, действительно, совсем просто. Но где-то на третьей странице внимание отвлеклось и я потерял одну мысль. Одну — а все здание рухнуло. Выпало логическое звено и цепь разорвалась и обесмыслилась.

Я почувствовал безмерное уважение к философии и страх перед ней.

Геннадий Гор без конца рассказывает мне суть бесчисленных философских учений. Я слушаю его всегда с острым интересом, хотя на утро все путаю и забываю.

Но и он однажды сказал мне:

— Истин много. Поэтому в философии я ищу не истину, а красоту.

Возвращаюсь к религии.

Повторяю: мое неверие — мое горе. Для меня Бог — это лишь символ нравственного начала. Я следую всем десяти заповедям. Я не краду, не желаю жены ближнего своего (вероятно, потому, что люблю свою), не совершаю подлостей, борюсь, как умею, со злом.

Мне говорят:

— Значит, ты верующий.

Но я-то знаю, что это не так.

И все-таки я неотрывно об этом думаю, постоянно пишу.

АНОНИМНЫЙ АВТОР

Уважаемый Лев Савельевич,

Хочу поделиться с Вами теми мыслями (и чувствами), которые явились в моей душе при чтении Вашего эссе. Ваши размышления Вы начинаете с вопроса: верю ли я в Бога? И, отвечая отрицательно, Вы тем не менее подчеркиваете существенную ценность веры, "потому что, — говорите Вы, — верующим легче".

Верующим действительно легче, потому что многие абсурды и бессмыслицы жизни у верующего "вписываются" в надежду, что в конечном счете они обретут смысл, что зло в мире есть при всей его мучительности, явление поверхностное, а в основе мира положены Истина, Красота и Добро.

Вера и понимание друг от друга неотделимы. Но таково могущество предрассудка, почитающего веру слепой и безрассудной, что современный человек боится веры, боясь потерять свободу, когда на самом деле свобода начинается с веры. Точнее: вера рождает свободу.

Попытаюсь объяснить.

Считается установленным, что литературное творчество (как и другое — музыкальное, живописное) создает принципиально новое бытие. Человек-творец по отношению к нему находится в такой же связи, в какой, по утверждению Библии, Бог находится по отношению к миру — это связь Творца и творения. Проиллюстрируем эти отношения любым примером "сотворенного мира" — скажем, миром шекспировских трагедий. Шекспир — "вседержитель" этого мира, и тем не менее — там его нет. Этот мир автономен, и автор не может вмешаться в его события: ни остановить руку убийцы, ни спасти влюбленных, ни помочь доброму человеку, — не разрушив самого мира.

Кстати: идея (библейская) творения, мысль о сотворенности мира настолько всеобъемлюще-грандиозна, что все "научные", в кавычках и без них, построения атеизма, что "Бога нет", бьют мимо цели. Между Шекспиром и Гамлетом бездна, легко проникаемая взглядом Шекспира и совершенно невообразимая Гамлетом. Гамлет естественный атеист, он и не подозревает о своей "тварности".

Пока человек не подозревает о своей тварности, пока ему не открылся Бог, он неразрывно связан со своей маской — той ролью, какую навязывает человеку общество, воспитание, историческая ситуация. Ему навязана драма и роль в драме. Лучшее, что он может сделать — это понять ситуацию через очеловечивание своего мира. Но роль, маска будут до тех пор довлеть над человеком, пока в некий звездный час он не почувствует на себе взгляд "оттуда", и мысль о Творце не сделает мир прозрачным. Маска не свалится, необходимость, "роль" останется, но изменится отношение человека к роли: он и роль перестанут быть одно. В его душе повеет свободой: родилась вера. Конечно — все это рассуждения апостериори; путь веры нужно пройти, а для этого нужно известное насилие над собой. Но в результате — чудесное открытие спасающего Бога. Открытие того, что Бог — не только Создатель непостижимо сложного мира, а (что для нас, людей, бесконечно важнее) Спаситель из-под власти рока, Освободитель от силы Судьбы.

Конечно, все вышесказанное — только общие рассуждения. Показать Бога невозможно. К Нему есть только один путь — через личное откровение. Но в высоком смысле всякая истина есть прежде всего личностная истина. Целью верующего христианина в деле нахождения истины является рождение, проявление и обучение себя уму Христову. Наши частные истины — откровения нашего ума — имеют оправдание в симфоническом уме Церкви, руководимом умом Христовым.

Все апории по поводу существования зла на земле приобретут новый смысл и оценку, как только мы откажемся от абстрактного и внеличного (высокомерного) суждения. Мы охотно рассуждаем на тему, как Бог мог позволить Освенцим и многое другое подобное, потому что исходим из априорной предпосылки, что в этом-то мы сами не виноваты. Но стоит задаться вопросом, почему утром, встав не в настроении, я пнул кошку и обругал жену, как вопрос, почему Бог терпит зло, приобретает совсем иное измерение: как Бог терпит нас, меня, несмотря на очевидную мою злобу.

"Мое неверие — мое горе", — говорите Вы. То, что Вы знаете об этом — уже начало веры. Бог же в силах помочь неверию, если Его об этом просить. "Просите — и дастся Вам."

С глубоким уважением:
В.

* Письмо, адресованное ленинградскому поэту Льву Друскину (род. в 1921 г.) получены были в Нью-Йорке по каналам Самиздата в декабре 1980 года. Случайно, три года спустя (в феврале 1984 г.) попали мне в руки. Из газеты "Русская Мысль" от 2 июня 1983 года я узнал о том, что Друскин эмигрировал в Германию, и ныне живет в Тюбингене. Один из авторов писем, свящ. Сергей Желудков умер в январе 1984 г. — Марк Поповский.

САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ САМИЗДАТ

О. СЕРГИЙ ЖЕЛУДКОВ

Дорогой Лев Савельевич, благодарю Вас, Вы доверили мне текст Ваших размышлений о центральной проблеме человеческого существования. Нет, выразусь точнее: размышление о проблеме действительности или недействительности человеческого существования. Ваши суждения представляют особую ценность, потому что Вы говорите с большой высоты. Стрдание, подобное Вашему, наш народ всегда почитал как особое избранничество от Бога. В мировоззрении христианства все человечество есть таинственное единство, организм, в котором всеобщее. И вот, я живо ощущаю это, в этой таинственной общности Вы несете Ваш великий подвиг за нас, бегающих на своих ногах, благополучных, не понимающих своего счастья... С Вашего разрешения я познакомил с Вашей записью некоторых моих друзей, и они обещали дать через меня свои рецензии. Не дожидаясь их, я пишу мои замечания. Чтобы ничего не пропустить, буду следовать за Вашим текстом.

"Я поэт, я знаю, что такое подсознание и интуиция. И все же главное для меня — понять"... Понять? Смотри что понять. Если говорить о той сфере действительности, которая ниже человека — о Природе, то надо признать, что здесь понимание, научное познание чрезвычайно успешно. И все же остается под вопросом, под большим вопросом — возможно ли понимание, научное познание до конца, "до дна" даже только природной действительности. Ибо это значило бы, образно выражаясь, выйти "на ту сторону" окружающих нас бесконечностей — "выйти на Творца"... А это представляется с религиозной точки зрения недопустимым, ибо нарушило бы нашу свободу. Так о Природе "под нами". По отношению же к Тому, Кто выше нас, Кто "над нами" — понять, то есть овладеть, вместить в "нижнюю" систему наших рациональных представлений, в нашу "черепушку" (выражение в одной записи у В.В. Розанова), — нет, это решительно невозможно. Ниже Вы пишете, что кто-то говорил Вам, будто сначала надо уверовать, а потом придет и понимание. Это ложное обещание. Напротив, я думаю, именно тогда-то и стало бы особенно ясно, что самое высокое понимание есть понимание ограниченного нашего понимания... Сразу же оговорюсь, что это речь о рациональном, рассудочном понимании. Есть "понимание" интуитивное, религиозное — и оно выражает себя не в рациональных понятиях, а только символически. Об этом писал апостол Павел в своем "Гимне Любви" (к Коринфянам 1, гл. 13): "Теперь ведь видим мы как бы посредством зеркала, в загадке"... Теперь, в нашем здешнем существовании мы видим только символы таинственной, сверхразумной действительности.

"Я перебирал в уме десять заповедей: (...). И недоумевал — ведь это кодекс любого порядочного человека". Условимся: я буду дальше говорить не о "религии вообще", а о религии оптимальной — о христианстве. Ветхозаветные заповеди-запреты — это еще не евангельские призывы. Но происхождение и ветхозаветного кодекса представляется таинственным, необъяснимым. Неужели это образовалось как-то само собою, каким-то там будто бы естественным "методом проб и ошибок"?.. Знаете — не верится что-то. Когда я нарушаю "кодекс" — откуда во мне этот строгий внутренний Голос, упреки, мучения совести? "Если Бога нет, то все позволено" — формально это правильное изречение. Если "Бога нет" — то вся действительность есть грандиозный Абсурд, в котором нет добра и зла, в котором исчезают все наши оценки и мы сами исчезнем. Если "нет Бога", то нет Воскресения, и в смерти исчезнет со мной и мое преступление. Чего же мне мучиться? Но не умолкает внутренний Голос... Оказывается, что нет — не все позволено. Не значит ли это, что и посылка, исходное "если" — неверно?.. Это был один из примеров сомнения и мышлящего атеиста.

"А люди глубоко верующие крали"... И т. д. Сегодня мы могли бы прибавить сюда и жестокости иранского Ислама, и лжесвидетельства священников на суде против священника, и многое, многое другое. Оборачиваясь на себя лично, я должен по совести признать совершенно недостойную "представительность" в моей персоне святого христианства. Все это — предмет нашей глубокой печали. Есть статья Н.А. Бердяева "О достоинстве христианства и недостоинстве христиан". Я ее не читал, но название говорит само за себя. Да, Вы совершенно правы — заблуждения и грехи верующих побуждают усомниться в искренности нашей веры. Но это ведь ничего не решает по существу проблемы.

Конечно, я очень благодарен Вам за высокую оценку моей, увы, единственной книги. Но меня покоробили Ваши военные выражения — что я "вышел на бой", что "началась схватка"... Я никогда не испытывал враждебных чувств по отношению к неверующим людям доброй совести и воли. Напротив — уважение, а иногда и искреннее восхищение. Гневная, запальчивая, "сердитая" апологетика отвратительна.

Кто-то привел мне мысль Бердяева, что Бог — не околоточный. Н. А. Бердяев в книге "Самопознание" выразился сгоряча так, что у Бога меньше власти, чем у полицейского. Действительно, вспомним мучительную картину у того же Достоевского — мужик сечет лошадь по кротким глазам... Бог может действовать здесь, как и всегда, только через человека — через полицейского, который остановит мужика, да еще и оштрафует, чтобы и впредь ему было неповадно. Бог наш — Вседержитель, но Он — не Насильник... Мы же обычно смешиваем понятия силы и насилия.

"Но если Бог равнодушен к моей судьбе, во всяком случае, пока я не уверю, да в общем-то и потом, то какая разница — существует Он или не существует?"... Почему же "равнодушен" — в символах христианства Бог страдает человеку в его свободной судьбе. Разница же в том, что если "существует" Бог, то существую и я. "Если есть Бог, то и я бессмертен" (Достоевский). А если "Бога нет" — то меня-то уж и подавно нет, я промелькну на мгновение и исчезну навеки в Абсурде... Надо хорошо подумать и понять эту простую зависимость.

"Но если Бог дал мне свободную волю, то он дал мне и разум. Дал ведь для чего-то? Почему же я не имею права размышлять?"... Размышлять так размышлять. Начинать со Спинозы — это был недобрый совет. Лично я тоже неспособен изучать философию. Но можно, я полагаю, ограничиться кратким учебным "Введением в философию", например, Челпанова — и затем избрать философа, который в своих произведениях добросовестно знакомит читателя с суждениями других философов. Лично я полагаю, что наиболее интересен для нас сегодня Н.А. Бердяев. Это трудный философ, и многое у него остается для меня недоступно. Но и того, что понятно — довольно, чтобы приобщиться к его вдохновенности.

Размышлять так размышлять. У меня не было опыта сознательного атеизма, но был и бывает опыт религиозных сомнений, которые совпадают ведь с аргументами атеизма. Из этого своего опыта я вынес представление, что на путях ответственных размышлений можно выйти к христианской Надежде. Разумею здесь Надежду не в смысле увенчания сильной Веры, а в смысле начального приближения к Вере — как допущение радостной возможности. Я уже рассказывал Вам о моих простецких соображениях, запишу их кратко:

1. Понять, хорошо уразуметь, живо ощутить глубокую таинственность бытия.

2. Понять, что перед Тайной, перед закрытой дверью я не имею разумного права на отчаяние — на духовное самоубийство. Ведь нет, нет у нас для этого вполне достаточных оснований. Напротив, есть разумные сомнения мышлящего атеиста, и они непреодолимы.

3. Понять, что перед Тайной, перед закрытой дверью у меня есть разумное право на Надежду христианства. Ибо есть у нас разумные мотивы Надежды, и они очень серьезные.

Это — о Надежде. А Вера — Вера уже сверх возможностей только размышлений. Вера — это интуиция, способность молитвы — прямого интимно-личного обращения к Богу... Вера — это дар Божий, его получают не все, и это зависит не только от Бога, но и от человека. Отмечу здесь только некоторые самые общие наблюдения. Очень заметно, что во всех слоях общества — верующий и х — гораздо больше среди представительниц сильного пола. Женщины сильнее чувствуют и опытно переживают глубину, значительность, трагичность существования. Второе наблюдение относится преимущественно к нашему брату-мужчинам. Факт тот, что традиционные выражения христианства в Священном Писании, догматике, культе, церковном строе являются сегодня для многих труднейшим препятствием на пути к Вере... Здесь у нас вполне определенный кризис — надеемся, в хорошем, положительном значении слова. Если Вас интересует эта проблема — рекомендую ознакомиться с книгой немецкого теолога Ганса Кюнга "Быть христианином" и с нашей дискуссионной перепиской об этой книге.

"Я следую всем десяти заповедям"... Неточное выражение — не всем, конечно: ибо Вы не верите Яхве и не соблюдаете субботу. Выражение Ваше не нравится мне еще и потому, что очень уж напоминает притчу о мытаре и фарисее (Евангелие от Луки, гл. 18): там второй персонаж хвастал исполнением Закона, и это было нехорошо. Конечно, к Вам это никак не относится, но те, кто Вас не знает, могут вынести превратное о Вас представление.

С величайшим уважением
Подпись
(свящ. Сергей Желудков)

"Когда перестает быть живым близкий, главный для тебя человек, — с новой силой приходят мысли, которые обычно заталкиваешь под поверхность сознания. Уходит и обваливается в темноту, каменеет часть собственной жизни. С тонкой, глухой болью рвутся корешки, связывающие с прошлым. Мы еще тут, в жизни, а его уже с нами нет. Невидимый пронизывающий поток протягивает нас поодиночке и группами, полосками-поколениями из будущего в прошлое, через ярко освещенное пятно "настоящего", жизни.

Только здесь, в жизни, мы располагаем свободой — протекая через отпущенную нам последовательность лет, дней, моментов, мы меняемся и действуем. Зависит ли что-нибудь от того, что именно мы делаем — что выбираем в жизни и делаем собой? Тысячей взаимосвязей уходят от нас в жизнь наши поступки и наш облик в каждую происшедшую с нами секунду. Каждое отдельное может исчезнуть, затихнуть где-то и раствориться; а может, хоть и незаметно, остаться навсегда моментом, вложенным нами в еще не исполненный поток бытия. Все будущее мира может зависеть от мгновенной улыбки, оброненной кем-то когда-то или любим из нас сейчас, сию секунду. Наверное, есть в размахе истории непостижимая для нас до конца направленность и даже предопределенность; но есть и открытость-свобода, выбор и риск — в истории всего мира, как и в единичной человеческой жизни.

Открытость-свобода реальна — вопреки обстоятельствам, доводам и очевидностям, вопреки осознанным потребностям; вопреки самому хаосу. Тот, кто решается осознать в себе эту открытость, принимает неотрывные от нее ответственность и риск, принимает в себя глубину и серьезность бытия." — так писал в своей статье "Быть живым" в память о Борисе Вахтине Яков Виньковецкий, поставив эпиграфом строчку из Пастернака: "...Но быть живым, живым и только, / Живым и только до конца."

И эти слова, сказанные об умершем Вахтине, в огромной мере относились и к нему самому. Но у него самого не хватило сил "быть живым и только до конца." 27-го апреля этого года в Хьюстоне, в Техасе, Яков Виньковецкий покончил с собой.

Трагичная смерть друга. Неизмеримо трагичнее, когда друг кончает сам свою жизнь. Но совсем тяжело, когда так умирает христианин.

Яков Виньковецкий пришел к вере еще в Советском Союзе, там и крестился. Религиозно-философские темы всегда занимали его мысль, но особенно обострился его интерес к ним в последнее время. В самом начале 1984 года он написал две религиозно-философские статьи. Последняя из них — "Врата Рая" — свидетельствует, насколько мысль его определялась верой. Мы публикуем ее здесь в память о нем.

В последнее время он был душевно болен, совокупность душевных страданий и крупных внешних неприятностей оказалась для него непосильной. Яков ушел из жизни, оставив жену Дину и двух сыновей, Илью и Данилу.

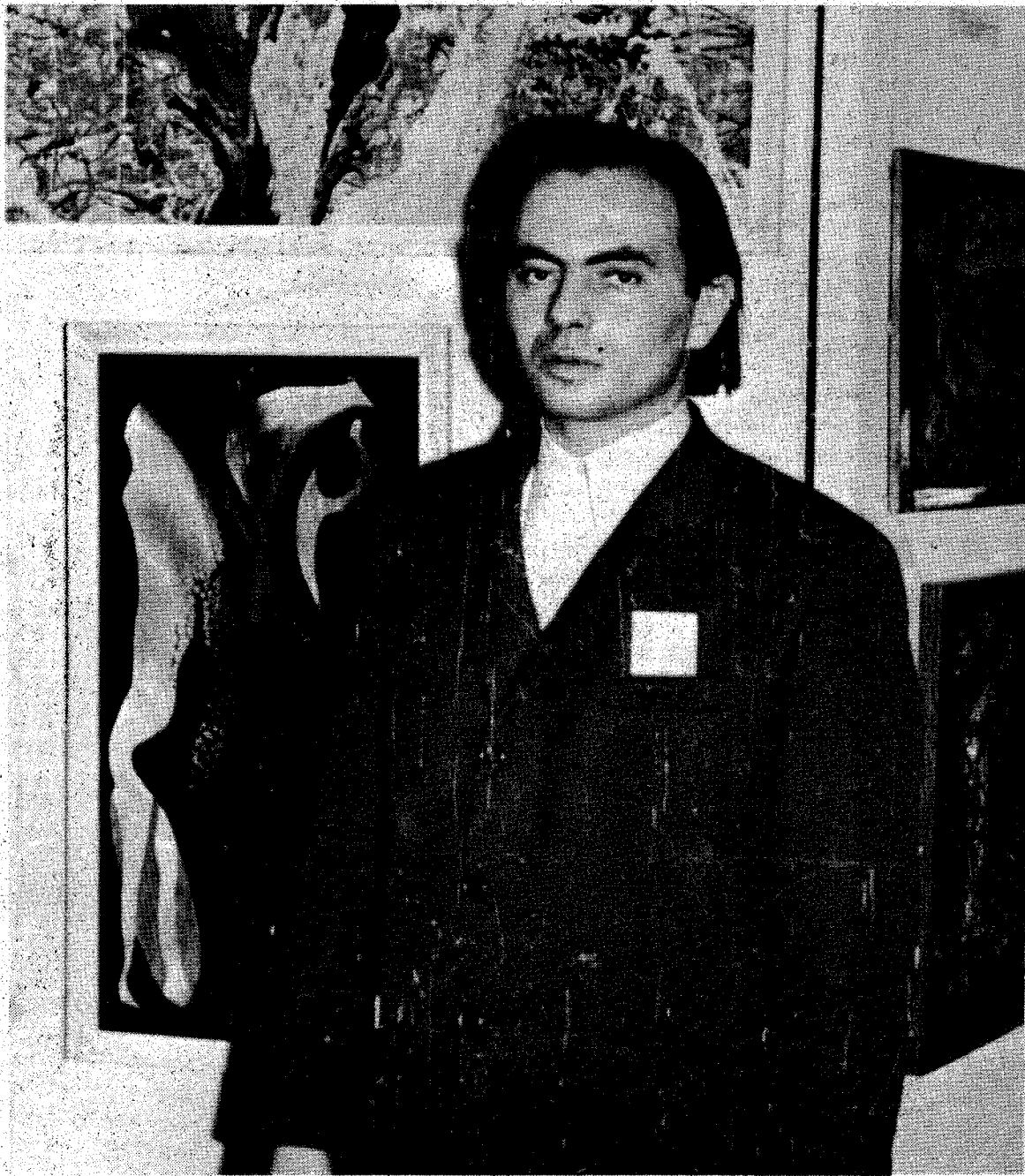
Будь поблизости православная церковь, кажется, этого не случилось бы. Православный человек, Яков очень болезненно переживал отсутствие церковной жизни. Духовно он был одинок и в тяжелые минуты никого не оказалось рядом, кто бы остановил руку самоубийцы.

Из истории русской эмиграции мы знаем, что многие не выдерживали одиночества, напряжения эмигрантского существования, ставили сами точку на нем. Не хватало душевных сил, воли к жизни. Это произошло и с Яковом, добрым, отзывчивым, открытым, всегда готовым на помощь, человеком.

Поможем и мы ему. Попросим у Господа, чтобы Он смилостивился над его душой и вывел ее из мрака преисподнего к тем Вратам, в которые верил, которые исповедовал наш друг.

о. Михаил Аксенов Меерсон

ПАМЯТИ ЯКОВА ВИНЬКОВЕЦКОГО

Битов, Бродский, Бобышев, Вахтин, Волохонский, Городничий, Горбовский, Димент — начав по алфавиту — все эти имена для меня связываются с Яковом Виньковецким. Не просто "близкий знакомый", он был именно ДРУГОМ всех этих и многих десятков других людей, включая меня, грешного. Матушка моя любила говаривать: "Не имей сто рублей, а имей сто друзей!" Виньковецкий имел более ста друзей.

Кем же он был, что с ним интересно было поэтам и художникам, геологам и теологам, диссидентам и просто богеме? Человеком он был, христианином, ученым и творческой личностью.

Как художник — начинал ленинградскую школу абстракции вместе с Михновым-Войтенко, Кулаковым, Кубасовым и более молодыми адептами — Богдановым и Галецким. Как художник, он от примитива и поллаковской абстракции, где-то за четверть века поисков — пришел к невероятному симбиозу внутреннего света иконы с био-геологическими абстрактными структурами, его абстракции "засветились", и это был столь же необычный путь, как и пути Михнова-Войтенко и Кулакова. Как художник он не был в тупике.

Как поэт, бросив писать стихи где-то в юности — он остался ценителем и сопереживателем поэзии других, поэтов зачастую несоместных, как Бродский и Волохонский, Хвостенко и Бобышев, Кузьминский и Кушнер, Найман и Айги — Яша же был другом всех их. И именно другом, мудрым и урезонивающим

(когда поэты сами тшились перегрызть другу глотки, обычные дела). Яша же был человеком необычным.

Что, вероятно, и влекло к нему. Но в первую голову — привлекал сам его интерес к другим, бесконечные заботы о других, помощь в издании их книг, поиски работы (художник Ярмолинский мне вчера сказал: "Первую работу в Америке мне нашел Яша"); и это воспринималось — как должное.

На него надеялись, как на каменную стену. Всегда было на что опереться. Под его гарантии собирали мы деньги на театр Игорю Дименту — имя Яши было лучшей гарантией. Когда вешается наша братия, богема — это привычно. Ненормальный народец — режут себе и друг другу уши убивают себя наркотой, пьянкой, истериками. Яков Виньковецкий был абсолютно нормальным. Это был его единственный недостаток. Меня он перманентно учил жить и прилично вести себя, чего я не выношу с детства. Но Яше я позволял ругать себя.

С правозащитником Турчиным я встретился, естественно, у Виньковецкого. И вспоминаю сейчас Яшины инструкции "Как вести себя в КГБ", как организовывать выезд, что делать на Западе — в письмах и самиздатских копиях Яшин трезвый ум помог многим.

Кто он? Для меня он наш брат — поэт и художник, в России и в "Эксоне" — он был крупным геологом, мои друзья-богословы его уважают. Человеком он был...

Константин Кузьминский

"Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия."
Откр. 2.7

ЯКОВ ВИНЬКОВЕЦКИЙ

ВРАТА РАЯ

(Статья "Врата Рая" была послана в журнал "Континент", однако Виньковецкий оговорил для себя авторское право напечатать ее и в других изданиях. Он прислал эту статью в редакцию "Пути", который он поддерживал финансово, с предложением напечатать ее в нашем церковном альманахе. Публикуя эту статью, мы исполняем волю покойного).

Текст, переживанию которого посвящена эта статья, составляет третью главу книги Бытия, одну страничку лежащей передо мной карманной Библии. Текст, как узор на древней стене, испещренной следами взглядов тысяч людей. Простые слова, как бесконечно таинственные знаки. Связь между Богом и человеком выражается через боговдохновенный миф как высшее проявление языка. В истории не меняется истина, но меняется язык — всеобъемлющий, текущий мир нашей жизни. И неудержимо тянет взглянуть на миф снова, из того языка, в котором мы живем сейчас.

Речь идет о первородном грехе. Сразу после сотворения мира и человека совершается грехопадение. Оно происходит в раю. Изгнанием из рая начинается здешняя, земная история человека. Уже с древности, помимо буквального истолкования библейского текста, существовала традиция понимания грехопадения как духовного, метаисторического, довременного события, вызвавшего возникновение всего несовершенного материального мира и определившего место человека.

При изгнании Господь говорит слова, в которых определена антиномическая природа человека, принадлежащего одновременно двум, казалось бы, взаимно исключаящим мирам: "Вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно". Человек, подобно Богу, обладает свободой и знает добро и зло. Но он смертен, он не живет вечно. В вечности могут жить чисто духовные существа. Человек, принадлежа к духовному миру, в то же время является частью материальной, пространственно-временной природы, в которой все атомистично и конечно. В этой двойственности — сущность космической роли человека, в котором несмеси соединяются и взаимно проникают друг в друга диаметрально противоположные аспекты мироздания.

В райском саду были два особенных, главных дерева — дерево жизни и дерево познания добра и зла. Им суждено было стать главными вехами бытия. Первоначально путь к дереву жизни был открыт, на его плоды не было запрета. Если бы человек съел их, он, вероятно, стал бы одним из духовных существ. Но человек выбрал запретный плод с дерева познания. Этим предначертано направление будущего пути человека — от дерева познания к дереву жизни. Короткий и прямой путь, в пределах рая, стал недоступным. У рая поставлены "херувим и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни". Изгнанием из рая начат трагичный и долгий, крутой путь человеческой истории. Путь в неизвестность — к дереву жизни или к исчезновению в небытии. Путь человека к дереву жизни намечается как восхождение к вечности, преобразование времени и снятие ограниченности природного бытия. Но сама память об этом будет не раз утрачена и дорогой ценой добыта вновь.

Что же такое первородный грех, под знаком которого всякий человек вступает на свой путь? Ясно, что это не просто одно из греховных деяний, но скорее некая общая основа греха — условие, которое делает грех возможным. Сама возможность греха, способность человека к греху неразрывно связана с понятиями вины, свободы и ответственности. Взглянем на кошку, играющую с мышью перед тем как ее съесть. Кошке мы не можем приписать вины. Интуиция свидетельствует, что в каком-то важном смысле кошка едина со своей жертвой. Обе они — природа; между ними "их", "естественные" дела. Другое дело, если подобным образом себя ведет человек: он садист. Он знает добро и зло. Получается, что способность к греху отличает человека от животного, отделяет человека от природы.

В дочеловеческой природе господствует чарующая и смертоносная гармония. Животное воспринимает сигналы из окружающего мира и реагирует на них в соответствии со своими инстинктами, потребностями и возможностями. Сознание животного обращено вовне и не выделяет себя из среды. Человека отличает прежде всего рефлексия — обращение сознания на себя самого как на предмет рассмотрения, своего рода короткое замыкание сознания. Когда это происходит, совершается чудо самосознания: сознание выделяет себя из мира и становится субъектом, превращая мир в объект. Два главных облика субъект-объектного отношения — два уровня самоутверждения и страдания: выделение человеком себя из окружающего мира как целого (отношение "я — не-я"), и отличие себя от всех остальных людей ("я — другие").

Первородный грех в первую очередь и есть самосознание. Утраченный рай — дочеловеческое бытие. Разрыв с природным миром ощущается как незаживающая рана, занимающая поверхность души. Человек тоскует, кричит от боли и хочет вернуться. Все оттенки романтизма и представляют это извечное стремление человека назад — слиться с природой в неразличающем, обволакивающем единстве. Но назад пути нет. Спасение не в отказе, а в овладении самосознанием и в его преобразении.

Человека, помимо смерти, определяет самосознание в сочетании со свободой. Знание добра и зла и свобода решать, что есть добро и что зло. Свобода выбирать, что думать и что делать. Что же сделал человек со своей свободой в тот довременный день испытания в раю? Вернемся в сад:

Там съеден плод с дерева познания, "и открылись глаза у них, и узнали они, что наги". Они увидели себя внезапно голыми и одинокими — и ощутив страх, захотели защититься. "И скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая". Тогда впервые воззвал Бог к созданному Им человеку — не в последний раз на долгом богочеловеческом пути: "Где ты?" Страх Божий еще владеет Адамом; его ответ до сих пор дрожит в листве: "Голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся". Наступает момент испытания, грозный вопрос: "Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты с дерева, с которого Я запретил тебе есть?"

Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел".

В главный момент испытания Адама оставляет спасительный страх Божий. Из его уст звучит голос трусливого мятежа. История человека начинается с доноса: "Жена, которую Ты мне дал..."; Ева продолжает поступок Адама, сваливая вину на змея. Человеку вручается свобода; чтобы ею овладеть, надо принять ответственность. Первородный грех раскрывается как тайна человеческой несвободы, добровольно принятой путем двойного отказа от ответственности и сваливания вины. Пусть тот, кто никогда этого не делал, скажет, что он лишь принудитель-

но наследует грех прародителя. Отныне обозначены пределы человеческого бытия: похищен драгоценный дар познания добра и зла, но отвергнута свобода творческого претворения зла в добро. Вступает в силу роковое "смертию умрешь".

Обо всем этом — на одной страничке книги Бытия. Этот текст возвышается над бытием и историей реальнее и неразрушимее, чем горы. В его тайнописи еще веками люди будут находить новые повороты и значения. В этом тексте, как как в семени, содержится генетический код человеческой сущности и истории.

Человек создан по образу и подобию Божию, ему принадлежит самосознание в сочетании со свободой. Своими действиями и движениями души человек может выявить в себе образ Божий — или неузнаваемо замутнить его. Никакие внешние обстоятельства не властны решать за человека эти самые главные дела его жизни. Наши свобода и ответственность бездонно глубоки.

Из когда-то разобщенных островков жизни наш земной мир превратился в сверхсистему взаимосвязей. Жизнь единичного человека соединена тысячами интимных нитей с историей мира. Никто не знает, как долго будут длиться последствия самого незначительного поступка. Наши свобода и ответственность безграничны.

Преодолеть первородный грех и значит принять в себя полноту свободы-ответственности за себя и в пределе — за весь мир. Это может сделать лишь самосознание, преобразенное любовью. Любовь дает возможность выхода за собственные пределы, способность принять и вместить в себя других людей и мир. Адам, представляющий любого из нас, отказывается от ответственности за собственный, совершенный им поступок, за свое самосознание — и тем предает свою свободу. Христос, являющийся по слову Церкви новым Адамом, своей любовью свободно принимает на себя грехи мира, ни одного из которых Он не совершал — и тем побеждает саму смерть и открывает новую, ответственную эру истории.

Бремя свободы тяжело. Услужливый разум выстраивает вокруг человека тюрьму детерминизма, внушает человеку, что он всего лишь раб осознанных и неосознанных необходимостей. Идеологии и группы предлагают человеку уют в своих рядах в уплату за его величайшую ценность — свободу. Человеческая слабость хочет заранее определить на все случаи жизни, что хорошо и что плохо — чтобы только не решать заново каждый раз.

Добро и зло, в их относительности и абсолютности, выявляется через свободу земной жизни каждого человека и всей мировой истории. Как единичная человеческая жизнь, так и история мира не длятся бесконечно. Обе они открыты к завершению, к концу. Обе должны в свой час пройти через разрыв непрерывности, смертную разлуку, "пламенный меч, обращающийся". Там риск катастрофы — провала в небытие, но там и возможность преобразования — выхода в вечность к единству с Богом. Приходом Христа отдельная человеческая жизнь и вся история мира раскрыты как единый богочеловеческий процесс, и навсегда разрушена стена, отделявшая рай от мира. Врата рая теперь не "в Едеме на востоке", а в каждом человеческом сердце. Крестом на Голгофе проросло посреди нашего мира дерево жизни, и его плод предложен всем нам.

Февраль, 1984
Хьюстон

МАРК ПОПОВСКИЙ: ЕВРЕИ

Статья печатается с сокращениями.

В середине 60-х годов по рукам стало ходить напечатанное на машинке стихотворение "Еврей-священник". Рассказывалось в нем о молодом священнике, еврее по крови, который приехал в расположенный где-то в средней России запущенный приход. Местные антирелигиозники, пытаясь спорить с ним, как правило, садились в лужу. С приездом нового священника запущенная церковь оживила: по воскресеньям и праздникам сюда валит народ. И не только пожилые люди, но и молодежь, прежде с небрежением относившаяся к вере отцов.

Стихотворение "Еврей-священник" приписывали разным поэтам, но в конце концов, стало известно, что автор его Владимир Солоухин, вполне официальный писатель и поэт, интересующийся тем не менее судьбами православия и Церкви. Свое стихотворение писал он с натуры. В деревне Алабино, неподалеку от Москвы, действительно поселился в те годы молодой священник о. Александр Мень (род. в 1935г.).

Стихотворению "Еврей-священник" суждено было стать первым литературным свидетельством того оживления религиозной жизни, которое началось в Советском Союзе, примерно, с 1965 года. Оживление это, ныне превратившееся в широкое народное движение, имело несколько серьезных причин. В течение тех 10 лет после Сталина, пока у власти находился Хрущев, в толще народной еще теплилась надежда на то, что в рамках существующего строя и существующей идеологии возможно создать общество с человеческим лицом. И действительно, частичное разоблачение сталинских зверств, освобождение из лагерей сотен тысяч зеков и послабления, проведенные в деревне, подавали какую-то надежду не только простому народу, но и интеллигенции. Но все эти надежды рухнули после падения Хрущева, а танки в Праге, в 1968 году, окончательно раздавили веру в добрые намерения послесталинских вождей.

Кроме политических причин для христианских настроений, вспыхнувших в середине 60-х, были причины и духовные. Послабления послесталинской эпохи способствовали некоторому просвещению российской публики. Впервые за много лет в СССР стали печатать романы Достоевского; в страну с Запада проникла никогда раньше не виданная нами литература религиозного содержания. Мы прочитали труды Сергея Булгакова, книги Бердяева, Шестова, Франка. "Голос Америки", передачи Би-Би-Си и "Немецкой волны" донесли до нас весть об учении Н.Н.Федорова, о философских идеях Владимира Соловьева, о судьбе забытого на родине о. Павла Флоренского. Впервые за полвека в церкви потянулись люди образованные и молодые, увидевшие в вере свет новых идей и чувств.

Третью причину религиозного подъема 60-х годов я бы назвал эмоциональной. Как известно, Хрущев был убежденным гонителем Церкви. В годы его хозяйничанья в стране было закрыто более 10.000 храмов, опубликовано несколько антирелигиозных постановлений ЦК КПСС. Его выпады против деятелей Церкви носили, как правило, грубый и оскорбительный характер. Закрытие храмов, изгнание монахов из монастырей, аресты священников даже у атеистической публики вызывали чувство протеста. В глазах общества люди Церкви становились мучениками и героями.

На волне всех этих настроений 15 декабря 1965 года два московских священника о. Глеб Якунин и о. Николай Эшлиман выпустили разоблачительный документ о положении в Православной церкви. В то время как первые

диссиденты требовали от советских властей исполнения законов страны и советской Конституции, о. Глеб и о. Николай призвали власти исполнять их собственный закон об отделении Церкви от государства. Сто пятьдесят экземпляров их письма разлетелись по стране и вызвали настоящий взрыв в общественном мнении. Если в 1965 году в церквях можно было видеть лишь традиционно верующую публику — в основном, пожилых женщин, то к 1968-му году церкви заполнились молодежью и образованной публикой. В московских храмах возникли очереди — крестить детей, венчаться. Потянулись креститься и взрослые. И среди них много евреев.

II

Итак, духовная пустота, которая осталась в человеческих душах после отмирания "советского патриотизма" и "советского идеализма" устремила многотысячный человеческий поток к стенам храмов. Еврейская молодежь — дети и внуки делателей революции — этот духовный вакуум ощутила, может быть, с еще большей силой и ответственностью. Вспоминаю случай, когда внук весьма преуспевающего еврея-интеллигента сообщил членам своей семьи, что он решил креститься. "Зачем тебе это?!" — изумленно воскликнул дед, который когда-то учился в хедере, но с тех пор не читал иных богов, кроме кремлевских. Хорошо зная склонность своей семьи к компромиссам с властью, внук не стал вступать с родными в теологический спор. Он лишь сказал, полушутя: "Попробую замолить ваши грехи." Объясняться со старшим поколением относительно столь деликатной области молодые евреи не могли и не хотели. Старшие, напуганные арестами 30-х и 40-х годов, почти не способны были понять, зачем их дети и внуки спешат воскресным утром в церковь, зачем читают странные книги с "ятами" и твердыми знаками. А молодежь крестилась, рискуя потерять внутреннюю связь с близкими, для которых слова: Церковь и Евангелие вызывали лишь воспоминание об антирелигиозных карнавалах и лагере в Соловках.

В ту пору, как впрочем и сейчас, молодые, тяготеющие к христианству люди собирались по вечерам в квартирах изучать Евангелие или читать Бердяева. Книг было мало и они были дороги. Помнится "Самопознание" Бердяева и еще какая-то книга обошлась мне и моим товарищам в 120 рублей. Но нас ничто не останавливало: очень уж хотелось нам постичь тот удивительный мир, в который мы вступили, благодаря знакомству с Евангелием.

Под давлением Запада советские власти открыли дорогу еврейской эмиграции. Возможность покинуть советский "рай", естественно, усилила в среде евреев национальные чувства. Появились кружки по изучению иврита и Торы. В то время, как одни группы евреев зачитывались произведениями Вл. Соловьева, другие принялись штудировать Бубера.

Появились молодые люди, подчеркнута носившие на шее маленький щит Давида, точно также, как другие их соотечественники предпочитали крест. Появились подпольные еврейские журналы "Евреи в СССР" и "Тарбут" ("Культура"), в который ощутившие свое кровное происхождение, евреи бесстрашно писали о своем единстве с народом Израиля.

В начале 70-х годов казалось естественным, что верующие в Советском Союзе по своим религиозным симпатиям разделяются по национальному признаку: евреи, осознавшие себя евреями и ориентированные на эмиграцию в Израиль, из-

берут иудаизм и покинут христианские храмы. Такой откат евреев из христианства очевидно не удивил бы их русских друзей. Но, хотя эмиграция продолжалась, еврей-христиане не спешили покидать вновь обретенную веру. В Москве и Ленинграде рядом с увлеченными иудаистами ширилось племя столь же увлеченных и искренних евреев-христиан. И что интересно: число таких неопитов становилось год от года все больше. Были люди, готовившиеся к отъезду, преподававшие иврит, которым это не мешало посещать церковь. Более того: в 70-х годах появились еврей-священники. Наконец, что уже совсем удивительно, ряд евреев, выехавших в Израиль, крестились уже там, на своей исторической родине. Не обошлось без конфликтов и обвинений в измене своему народу. Я не склонен в этих спорах становиться ни на ту, ни на другую сторону. Вера — дело сугубо интимное и непристойно чужому человеку вмешиваться в эту личную сферу жизни. Интересно, однако, обсудить и объяснить самый факт тяготения русских евреев к христианству.

Этот вопрос я обсуждал как-то с христианином, эмигрантом из СССР, и точки зрения наши разошлись. Я предположил, что для людей в СССР, ощутивших духовный вакуум и устремившихся к вере, обратиться при этом к христианству естественнее по причинам культуры. Христианством проникнута вся русская классическая литература, на которой мы вырастали с юных лет. Церковная музыка, церковные песнопения звучат в произведениях русских композиторов. Картины русских художников нередко воссоздавали зрелище русских православных храмов. Храм — символ нашей родины России — возникает перед нами на улицах городов и сел. Что же касается иудаизма, то после десятилетий советского режима, он оставил в СССР очень мало внешних (да и внутренних) следов. Синагог крайне мало. В стране почти никто не говорит на языке Торы. Крайне редко можно встретить на улицах старика, носящего кипу. У новых поколений советских евреев не сохранилось никаких традиций, связанных с религией предков. Так что не приходится удивляться, если новое поколение евреев нашло удовлетворение своему религиозному чувству в храме с привычным куполом под сенью креста. Христианство вовсе не мешало им чувствовать себя евреями, если они того хотели. По общему убеждению моих друзей, национальная (кровная) принадлежность к еврейству никаким образом не мешает человеку избрать любую религию.

Мой оппонент считает, однако, что "культурный" путь евреев к православному храму был типичен для еврейской молодежи лишь до начала 70-х годов. Когда же началась эмиграция, то в силу вступили совсем другие факторы. "Советский человек, — сказал мой собеседник, — с детства воспитывается в мысли о несомненной возможности земной утопии. Наши деды и отцы строили, как им казалось, совершенное общество, которое должно было сделать счастливыми их детей и внуков. Они верили или хотели верить в будущее, когда в советской стране осуществится вся полнота добра и человеческого счастья. Затем, когда Хрущев разоблачил сталинские мерзости, и потом, когда Брежнев стал винить во всех грехах Хрущева, даже самые доверчивые утратили веру в социалистические сказки. Начало эмиграции в Израиль заглоло в сердцах евреев надежду на "светлое будущее": "Вот там, на земле предков, строится уже настоящее и рай для людей." Но уже через 3-4 года после начала эмиграции стало ясно, что Израиль — обычное государство, отягощенное огромным количеством военных, социальных, национальных и прочих проблем. Одним приезжим там лучше, другим хуже или плохо, но никакого светлого

И ХРИСТИАНСТВО В СССР

будущего на земле предков нет и в помине. Нет оснований и для чисто национальной экзальтации. Постигнув это, часть евреев, еще не успевших выехать из СССР или уже добравшихся до Израиля, начала искать выход в метафизике. Их позицию можно изложить в одной фразе: "Если Царства Божьего нет на земле, то его можно сыскать разве что в своем сердце, в Вере, в Боге". В результате этого умозаключения и возникли неожиданные с первого взгляда крещения евреев недавно эмигрировавших в Израиль и Соединенные Штаты, а также массовые крещения евреев в СССР. Таково мнение моего оппонента. Пусть читатель сам решит, кто из нас прав. Могу лишь добавить, что в СССР и в эмиграции еврей-неофиты оказались верны христианству. Если в начале кое-кто приобщился к православию под влиянием христианской русской культуры, или по причинам социального свойства, то постепенно эти причины отошли на задний план. На первый план выдвинулась вера, как таковая. Выехав в свободный мир, еврей-неофиты не пожелали перейти из христианства в иудаизм и даже наоборот, многие из них своим творчеством — литературным и философским — обогатили христианскую мысль. Но об этом в следующей главе.

III

Переход значительных групп российских евреев в христианство в 60-х и 70-х годах происходил не тайно и не безмолвно. Событие это породило большую литературу, отразилось оно и в поэзии и в прозе, и в жанрах исторического исследования, и в публицистике. Наиболее веское слово на эту тему удалось произнести Борису Пастернаку. Как известно, его отец Леонид Пастернак, еврей-художник, крестился еще до революции. Сын-поэт, увлеченный большевизмом, долгие годы не проявлял каких бы то ни было религиозных чувств. Роман "Доктор Живаго", вышедший в свет на Западе к 40-летию советской власти, показал, что христианское мироощущение не умерло в душе писателя и поэта. Особенно явственно выявились оно в так называемых "Стихах из романа", группе стихотворений, якобы написанных Живаго. В стихотворении "Рождественская звезда", в полном согласии с Евангельским текстом, поэт живописал рождение младенца Спасителя. Евангельские ситуации лежат в основе и других стихотворений этого цикла: "Чудо", "Магдалина", "Гефсиманский сад" и, наконец, "Дурные дни", где судьба Христа как бы переплетается с судьбой автора.

И темными силами Храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой
Как славили прежде, кланут.

Присуждение Нобелевской премии Пастернаку вызвало злобу в советских верхах. Поэт был предан ostrакизму, исключен из Союза писателей. Обвинили его Бог знает в чем и за этой политической трескотней русский читатель не мог уловить главного. В своем романе Пастернак взглянул на советский мир глазами христианина. В недрах этого мира ему явственно открылся ад. Этого спокойного и горького взгляда не могли ему простить в Кремле. Зато в народе стихи из романа пользовались огромным успехом. Их без конца перепечатывали и переписывали от руки. Они стали излюбленным чтением молодежи и не только молодежи тех лет.

Важное место в литературном еврейско-христианском движении 60-х годов занимает Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (р.1915 г.). Интеллигент, многожды сидевший в советских тюрьмах и лагерях за свои религиозные взгляды, Левитин сам себя называет церков-

ным писателем. Широкую известность, однако приобрел он не благодаря сорока статьям, опубликованным в официальном издании Московской Патриархии, а благодаря тем рукописям, которые читатели нашли в Самиздате. Задолго до опубликования на Западе, мы с огромным интересом читали серьезный труд (в соавторстве с В.Шавровым) Левитина по истории так называемой обновленческой церкви — "Очерки по истории церковной смуты", а также воспоминания "Закат обновленчества" и сборник религиозных статей "Строматы". Анатолий Левитин проявил себя недюжинным публицистом, вступаясь в своих статьях за жертвы советского режима. На каждый случай политического гонения умел он взглянуть с точки зрения христианина. Иногда статьи его были посвящены мученикам за веру ("Драма в Вятке", об аресте церковного писателя Бориса Талантова — июнь 1969 года). Но случалось ему братья за перо и для того, чтобы защитить таких политических борцов как П. Григоренко и Вл. Буковский ("Свет в оконце", май 1969 г. и "Мечем и копьем", апрель 1971 г.). Писатель знал, что Буковский — неверующий. Но он знал и другое: Буковский "отдает себя, свою жизнь борьбе за правду, помощи страдающим людям и в этом смысле он, неверующий, в тысячу раз ближе Христу, чем сотни так называемых "христиан", христианство которых заключено лишь в том, что они обивают церковные пороги." "И я, христианин, — пишет Краснов-Левитин, — открыто заявляю, что преклоняюсь перед неверующим Буковским, перед сияющим подвигом его жизни".

От этой позиции он не отказывался никогда. Выступая в городском суде Москвы, на очередном судебном своем процессе 19 мая 1971 года этот церковный писатель-еврей снова заявил: "Я верующий христианин. А задача христианства не только в том, чтобы ходить в церковь. Она заключается в воплощении заветов Христа в жизнь. Христос завещал защищать всех угнетенных. Поэтому я защищал права людей, будь то Почаевские монахи, баптисты или крымские татары, а если когда-нибудь станут угнетать убежденных антирелигиозников, я буду защищать и их..."

Среди авторов религиозно-исторических произведений 60-х — 70-х годов нельзя не отметить Льва Регельсона, написавшего историю православия в Советском Союзе. Верующий христианин, Регельсон собрал и осмыслил большой документальный материал несомненной ценности. Книга его была позднее издана на Западе. Опубликована и созданная в СССР в 70-х годах книга автора этих строк "Жизнь и житие Войно-Ясенского, архиепископа и хирурга".

Но наиболее ярким и плодотворным церковным писателем советской поры, очевидно, следует считать о. Александра Меня, того самого еврей-священника, с рассказа о котором начинается наша статья. Им написано около десяти книг, которые под разными псевдонимами изданы за пределами СССР, главным образом, в брюссельском издательстве Жизнь с Богом. Протоирей Александр Меня — писатель не политический. Берясь за перо, он, прежде всего, имеет ввиду просвещение своего читателя, лишенного у себя на родине религиозной литературы. Для тех, кто тянется к Христу и при этом ничего не знает о христианстве, о.Александр написал отличную книгу "Небо на земле".

Ее название — объяснить непосвященным, что такое Церковь Христова, что есть Храм, познакомиться с сущностью христианских праздников, с богослужением, с христианской символикой, с основными принципами веры. Книга эта в СССР пользуется огромным спросом

среди жаждущих веры и глубокой симпатией тех, кто уже крестился и твердо определил своей жизненный путь.

Другая книга о. Александра с большим числом красочных иллюстраций, предназначена для детей, которых через доступные им понятия автор вводит в мир христианства. Тем же, кто продвинулся в своих знаниях, церковный писатель Меня смог предложить пособие "Как читать Библию". А к людям еще более религиозно образованным обращены его книги по истории дохристианских религий, том, посвященный библейским пророкам, и, наконец, его лучшее и самое важное произведение "Сын Человеческий" (1976). Я затруднился бы определить жанр этой книги о Христе. Она написана с большим чувством к Спасителю и представляет собой попытку передать психологический мир участников Евангельской эпопеи, разъяснить читателю конца второго тысячелетия мир отодвинутый от него временем и культурными различиями эпох. Автор использует для разговора со своим современником весьма широкую палитру, прибегая и к историческим, и к археологическим данным нового времени, и к находкам художественной литературы. Сам о. Александр называет свой метод работы синтетическим. Его цель: вызвать у читателя, познакомившегося с его книгой, желание с новой силой взяться за первоисточник — за Евангелие. И, насколько я знаю, этой цели он достигает. Труд еврей-священника в какой-то степени напоминает попытку французского писателя Ренана дать изображения Лица Основателя христианства. Но Ренан был писатель нехристианский. О. Александр, обратившись к той же цели, внес в нее истинное чувство глубоко верующего. И это делает его труд подлинно ценным.

Современное советское еврейство в массе своей безрелигиозно. Конечно, есть и верующие, но их немного, чаще всего это пожилые люди из провинции. Синагоги в Москве, Киеве, Одессе стали местом паломничества только после того, как превратились в своеобразные клубы желающих выехать в Израиль. Нередко приходилось видеть: улица Архипова, где стоит московская синагога, полна народом, а храм — пуст, молятся два десятка стариков. Проблема национального самосознания у советских евреев оказалась связанной, в основном, не с верой, а с государственным антисемитизмом. Московские, ленинградские, киевские, одесские интеллигенты и неинтеллигенты связывают свою принадлежность к избранному народу прежде всего с возможностью уехать в края, где нет ни КГБ, ни ОБХСС, ни парткома, где им не будут напоминать, что они — евреи. У каждого свои вполне естественные человеческие планы, но религия в этих планах, как правило, не присутствует. Обращение в христианство на фоне эмиграционных забот — явление весьма нестандартное. Обратившиеся как бы ищут третий путь. Еврей христианин оставляет в стороне вопрос о своем устройении в этом мире. Он может продолжать жить в СССР или уехать в Израиль, в Штаты; стать гонимым диссидентом или советским преуспевающим ученым. При этом самый факт устройства не является для него главным. Главным является тот выбор, который он делает в результате крещения: обретения новой конструкции мира, нового знания об этом мире.

Крестились евреи и до революции 1917 года. Тогда этот акт приносил крещенному немаловажные выгоды. Еврей-христианин получал возможность переехать из местечка в большой город, поступить в университет или сделать торговую карьеру. В глазах монархического государства и русского общества крестившиеся

переставали быть инородцами. Из их числа вышло немало купцов первой гильдии, адвокатов, инженеров, врачей, журналистов. Креститься еврею в СССР сегодня значит, наоборот, еще более утяжелить и без того нелегкую свою судьбу. Если крестится студент или школьный учитель, а тем более преподаватель в институте, он должен скрывать этот факт от своего начальства, ибо верующего преподавателя партийные власти не потерпят в учебном заведении ни одного дня. Я знаю крестившегося еврея — ученого, отца пяти-шести маленьких детей. Единственный кормилец семьи, он более всего боится, чтобы в его лаборатории не провели о его вере. Между тем, евреев приобщающихся к христианству в СССР, становится все больше. Выходящий в Израиле журнал "Алеф" (№ 11 1983 г.) утверждает, что за последние годы только в Москве крестилось более 2 тысяч евреев. Насколько мне известно, в их числе было много ученых. Объясняя свое решение принять крещение, один из таких докторов наук (философ) заметил: "Наука и религия возникли когда-то в одной точке, а затем разбежались по окружности, диаметр которой пришелся на XIX столетие. Ныне, пройдя исторический "диаметр", наука и вера идут на сближение".

Многие интеллигенты евреи крестятся также в советских концентрационных лагерях, где это особенно опасно. Среди тех, кто принял крещение в лагере в последние годы, наиболее известны Александр Гинзбург и Гарри Суперфин. Оба они были осуждены, как активные диссиденты, за распространение нежелательной для властей информации. Но в лагере идея сопротивления режиму дополнилась в их сердцах христианским мироощущением.

Несколько тысяч (теперь уже десятков тысяч) молодых евреев сменили безверие отцов на веру в Бога. Казалось бы, всякий цивилизованный человек, знающий ситуацию в СССР, должен был бы только с удовлетворением воскликнуть по этому поводу: "Слава Богу!" Ибо в стране с разрушенной до основания нравственностью только от верующего можно ждать сегодня пристойных поступков, только верующие люди подают надежду, что в России когда-либо возторжествует Правда и Честь. Между тем, в эмигрантской печати появились статьи бывшего советского писателя, который не нашел ничего лучшего, как сказать, что человеку лучше остаться вообще без веры, нежели уверовать в Христа. Новому защитнику иудаизма в силу малой его просвещенности, очевидно, неизвестно, что христианство самым тесным образом связано с иудаизмом, а Новый Завет есть продолжение Ветхого.

Кстати сказать, выход на свободу почти трети миллиона бывших советских евреев, к сожалению, не привел их к вере отцов. Об этом не раз писала пресса Израиля. Да и еврейская общественность США была разочарована тем, насколько большинство приезжих оказалось равнодушным к иудаизму. Некоторое представление об этой стороне эмиграции дает статья Ильи Левкова в журнале "Время и мы" "Новые американцы в профиль и в анфас" (№ 68-70, 1983 г.). Социолог Левков разослал "новым американцам" свои анкеты, которые при анализе показали, что сколько-нибудь постоянно синагогу посещают в Нью-Йорке 10 процентов ново-приезжих, в Чикаго эта цифра падает до 4,6 процента, а в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Сент-Луисе она достигает 0,8 процента. Левков установил, правда, что 23,8 процента приезжих отдали своих детей в еврейские религиозные школы, но при этом 93,6 процента родителей аргументировали этот шаг мотивами не имеющими отношения к религии: просто в еврейских школах детей лучше учат и там лучше дисциплина...

Анкета Левкова показала также, что 68,5 процента эмигрантов, живущих в США, ничего не читают об иудаизме, а 62,3 процента ничего не читают об Израиле. Социолог ничего не сообщает о тех эмигрантах, которые посещают христианские храмы.

МАРК ПОПОВСКИЙ

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

А В В А К У М

Бывает так — уставятся скотом
Дойдя до гребня выпрепленного тына
Но многие ли ведают о том
Насколько эта истина пустыня

И в самом деле — что такого в ней
Давно известно: крыльями не машет
Она и не поет как соловей
И что ей даже в лучших песнях наших

И в самых мыслях — там где песен звон
Чеканит грань разваренного бубна
Ей слышится наверно это стон
Глупца что ночью с паперти не убрал

Нет истины в цветах пока живешь
А как умрешь тогда все будет проще
Там соловей среди востока роз
Певучим пеплом канет в серой роше

Тогда иди тарашь свои бельма
Упреком голоса к верховной яме
Спящие тугие письмена
Вдруг заблестят в неполотом бурьяне

И этих букв невыполненный гул
Нас гонит здесь навстречу стрел и игл
Шел Аввакум от холода сутул
И от мороза ноги еле двигал

Псы окопели и окопены
Деревья оседали в мутной сылке
Он шел один почти окопены
И нес сквозь нает почти уже останки

И вся Москва бессмысленных палат
Была забыта им. Едва гудели кости
По-нищенски глядели из заплат
Его глаза железные как гвозди

Глядело солнце в черный запад — Русь
Где правил голод угольные крылья
И где молитвы плавали как ртуть
И где для казни сами ямы рыли

И где тела двуперстных стариков
Держал в земле холодный створ — Архангельск
А главы человеческих грибов
Вопили гимны словно бы на праздник

Какие головы! Одна из них на нем
Пока еще пускает пар из устья
Глухого рта, другие стали пнем
Пока их почва мерзлая не впуслит

И не сожмет землистых темных губ
Над маковкой ощеренного карла
И пес привычный тшестно скалит зуб
И все ворчит, что вот она пропала

Шел жуткий лик, шагал как нож сквозь лед
Поленья ног вбивая в ямы рытвин
Юродивые вправлены вперед
Стояли льдины круглые в орбитах

Он шел один единственный как перст
Чугунный перст сквозь грыз пустыни чертвой
Под хрусталем нелюбящих небес
Влача весь срам страны стотысячверстой

И эта твердь не гнулася над ним
И гребень леса не смыкал зигзага
Лишь в воздухе стоял холодный нимб
Лишь на снегу не видно было шага

И ветер ветер в толоконный лоб
Идушему и бился и мяукал:
Откуда ты, бездонный протопоп?
Куда, куда остеклянешь и утл?

Чего тебе, прозрачный человек
Отчаянный и ангельски пернатый,
Какие речи в странной голове
Еще звенят в котле твоём невнятно?

Гляди гляди тебя уже и нет
Смотри смотри как сведено пространство,
Зверь новый на засаленном рожке —
Ты повернись, ты видишь: в мире красном

Столичный смерд дрова тебе срубил
Холуй калужский чадам сделал плаху
В мразь тех кто видел — расплавленный рубин
Их кровь на ней лежит как жидкий яхонт

Подобный крови легкий род огня
Поет тебе многоязык стремглавый
О том что пепел истины обняв
Откинут твой единственный кровавый...

И воздух вызвал и взвился как костер
И Аввакум сверкал согнувшись вдвое
И небосвод опять над ним простер
Лицо свое и тело неживое.

В издательстве "Эрмитаж" вышла книга стихов Анри Волохонского. Перепечатаваем несколько стихотворений из этой книги.

ПЛАЧ ЛОТА

Ах зачем, ах зачем оглянулась она
Вот и стала: соленый болван
Мимо гнал по долине горы и холма
Кочевать бедуин караван

Ночевать бедуину велела луна
Он раскинул шатер-балаган
Ах зачем же зачем обернулась она
Вот и стала — соленый болван

Хотели зятя индюком петуха:
— Значит, нефть — говоришь — керосин,
В бороде седина — в голове шелуха,
Перебрал — да и верно, — хамсин

Да и выдался вправду такой вечерок
Вся округа — пузырь смоляной
По железу чугун в черепах поперек
Голый воздух молдует смолой

А сегодня луна как шафрей и шафран
Развернула седой сарафан
Ах зачем же тогда оглянулась она
И стоит как соленый болван

— Значит, дождь — говоришь? Керосин — говори
Ты как Ной нам вешаешь навзрыд:
На пороге плясать чтоб не падали с крыш
А ковчег в огороде зарыт

Поднесите пророку смокву и хурму
Лопухов принесите ослу
Ну-ка разом, друзья! Да всем хором ему!
Как вчера — молодому послу

И кудахтали: Ах ты — вот так-таки-так
И сказал бы: "А я за юнцом
Хоть в пучину, в пустыню, в пещеру, в кабак!"
Что за прелесть с веселым концом...

А луна над пустыней одна солона
В серебре головы котлован
Но зачем же туда обернулась она
И застыла: соленый болван!

...Хлопотливых чудес чтоб с дружкой в лопухи
Про бензиновый дождик плести
Десять рыбок? — Пойди поуди из ухи
Целый город — и нет десяти

— Ну, подружку по кругу — да круг по домам
Встали в сумерках — ляжем чуть свет
Попугай же бензином асфальтовых дам
Поливая керосином проспект!

Холодна над пустыней ее голова
И горька словно дым седина
Солоней чем Солонное Море глаза
Ах зачем ты глядела туда

Над смолой серебра и над серой луны
В нефть одетая ночь-бедуин
От пожара взмогла головою жены
И глотнула очами бензин

Солона и горька, холодна и нема
Над пустыней сверкает одна
В небе камень-луна как ее голова
Словно камень сверкает она.

ПЛАЧ

Скажите, не умер ли плач?
Ах зачем мы хороним его при огромном стеченьи нарц
Да не вышло бы хуже лепить его серый калач
Потрясаю об яблоко грозную медь небосвода —
Наше правое дело собрало на зрелище тучу ворон,
Так скажите — не умер ли он?

Если так — не по жести чернила
Или невидаль — вальс запустить искусительный винт
В тибких лентах, — и вот он живет и бежит
Обернувшись не надо ли было
По металлу из легкого льда;
Говорите: забыли иль да?

О веселая память! Но дерево тенью улыбки
Покрывает ветвями готовую падать росу,
Только листья висят, да роняют слезу
Бледных туч серебристые рыбки
Поливая сады неудач.
Так скажите — не умер ли плач?

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕРШИНА ХЕРМОНА

Крылатое солнце стоит на скале
А море во мраке, а небо — во мгле
Блестит перед ними взлетая
Вершина Хермона золотая

Вершина Хермона сверкает как бык
Бока глыбы каменные горбы
Его голова как корона
Золотая вершина Хермона

Исчезает Иштар на зари корабле
Киннерет в тумане и Хула во мгле
Стоит словно стража долины
Хермона золотая вершина

Голубая вершина Васанской горы
Над нею зари пролетают орлы
Идут небеса надо льдами
Над холодного неба стадами

Двуглавое солнце стоит на скале
Хермон над Ливаном как каменный лев
Стекает с камней каравана
Золотая река Иордана

И серны трубят в голубые рога
И златокрылатая неба рука
На струнах высокого трона
Высоко взлетает с Хермона

Хермон коронован орлиной главой
Иордан коронован львиной главой
Васан словно вол очарован
Главою быка коронован

Крылатый Хермон — перед ним Херувим
В изумлении великом летает пред ним
В сиянии дня многозвездный
Над ним оперенною бездной

СТОЛП

Хотя мой дух еще витал
И ал зари восток
Однако сух его фиал
И пуст его чертог

Его хрусталь сожжен в песок
Горит его кимвал
И соль глазниц его пустых
Глядит как он пылал

От жарких волн руна — кто там?
Кто там, кто там такой,
Прозрачный ходит по холмам
И серый и сухой?

Кому там синюю лазурь
Небес — и скал стекло,
Опал и мутную лазурь
Песком заволочло?

Чьи это легкие следы
Средь мелких волн золы
Белеют меж костей травы
Сквозь серый блеск слюды?

— Смотри: за стадом пыльный дух
Поднявшись в зрак столпа
Шагает нем, рождая вслух
Сухого слова прах

Не отставая ни на горсть
Он бродит вслед зверей
Чьих шкур раскачивает гроздь
Мех золотых углей

За стадом вспять, невысоко
А впереди — второй
Склонившись рядом с пастухом
Суровым пастухом —

Он вечен в пастырстве пустом
Кто-где его баран
И пыльный джинн козел овец
Хамелеон варан.

АНГЕЛ

Напрасно и тщетно я долго взирал
На небо где ангел на арфе играл
В таинственном небе лишь сумрак пустой
Клубился над тучей простой

А в воздухе сизом крикливые птицы
Носились по небу неистойвой стаей
И вились со щебетом вихрем
Меж небом дневным и ночным

В сером пурпуре легкие воды
Солнце ушло за тонкие горы
Это длится лишь несколько мгновений
У ангела нехватает слов

* * *

КРИТСКИЕ ВЫМЫСЛЫ

Дедал парил по небу
Икар сидел внизу
Дедал там прежде не был
Икар доил козу

Дедал кричит: Скорее,
А то я рассержусь
Скажи: по небу рея
Как я тебе кажусь?

Икар на четвереньках
Поднявши вверх тузы
Помедливши маленько
Сказал из-под козы:

Он так сказал: папаша,
Ты ах как высоко
А дома стынет каша
И киснет молоко

Тебе-то хорошо там
Всю птицу ощипав
Рупить своим полетом
Ни разу не упав

А дома разорение
Как дым летает пух
Поет как привидение
Морщинистый петух

А одаль за околицей
Гусак идет нагой
То о лопух уколется
То топает ногой

Его гусыня голая
Бесчувственная тварь
Гуляет развеселая
Красна как киноварь

А деткам каково их
С под век незрелых ок
Родителей обоих
Вдруг видеть без порток?

— Всеобщее распуство
И шаткость в жизни сей
Вот плод летать искусства
И всех твоих затей.

Дедал сказал снижаясь:
— Сыночек мой сынок
Душа моя сжимается
Совсем как пузырек

Чем больше я летаю
Тем больше я хочу
Желание питаю
Плывать на эту чушь.

И так развеся уши
Повис вверху Дедал
Икар его послушал —
Ни слова не сказал

Ни слова ни словечка
Козу свою доя
Под вымечко овечки
Усмешку затая

рис. Роберта Раевского

ДЕТЕКТИВ

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

СТРАННЫЕ ШАГИ

Из сборника «Неведение Отца Брауна»

Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», входящего в Вернон-отель на свой ежегодный обед, то, когда он снимет пальто, вы заметите, что на нем не черный, а зеленый фрак. Предположим, у вас хватит дерзости обратиться к нему и вы спросите его, чем вызвана эта причуда. Тогда, возможно, он ответит вам, что одевается так, чтобы его не приняли за лакея. Вы отойдете уничтоженный, оставляя неразгаданной тайну, достойную того, чтобы о ней рассказать.

Если (продолжая наши неправдоподобные предположения) вам случится встретить скромного труженика, маленького священника, по имени Браун, и вы спросите, что он считает величайшей удачей своей жизни, он, по всей вероятности, ответит вам, что самым удачным был случай в Вернон-отеле, где он предотвратил преступление, а возможно, и спас грешную душу только тем, что прислушался к шагам в коридоре. Может быть, он даже слегка гордится своей удивительной догадливостью и, скорее всего, сошлется именно на нее. Но так как вам, конечно, не удастся достигнуть такого положения в высшем свете, чтобы встретиться с кем-либо из «Двенадцати верных рыболовов» или опуститься до мира трущоб и преступлений, чтобы встретить там отца Брауна, то боюсь, вы никогда не услышите этой истории, если я вам ее не расскажу.

Вернон-отель, в котором «Двенадцать верных рыболовов» обычно устраивали свои ежегодные обеды, принадлежал к тем заведениям, которые могут существовать лишь в олигархическом обществе, где здравый смысл заменен требованиями хорошего тона. Он был — как это ни абсурдно — «единственным в своем роде», то есть давал прибыль, не привлекая, а, скорее, отпугивая публику. В обществе, подпавшем под власть богачей, торгаша проявили должную смекалку и перехитрили свою клиентуру. Они создали множество препонов, чтобы богатые и пресыщенные завсегдатаи могли тратить деньги и время на их преодоление. Если бы существовал в Лондоне такой фешенебельный отель, куда не впускали бы ни одного человека ростом ниже шести футов, высшее общество стало бы покорно устраивать там обеды, собирая на них исключительно великанов. Если бы существовал дорогой ресторан, который, по капризу своего хозяина, был бы открыт только во вторник вечером, каждый вторник он ломился бы от посетителей. Вернон-отель незаметно притулился на углу площади в Бельгравии¹. Он был не велик и не очень комфортабелен, но самое его неудобство рассматривалось как достоинство, ограждающее избранных посетителей. Из всех неудобств особенно ценилось одно: в отеле одновременно могло обедать не более двадцати четырех человек. Единственный обеденный стол стоял под открытым небом, на веранде, выходящей в один из красивейших старых садов Лондона. Таким образом, даже этими двадцатью четырьмя местами можно было

¹ Бельгравия — аристократическая часть Лондона.

Анри Волохонский. "Стихотворения".

Изд. "Эрмитаж", 1983 г.

цена 8 долл. С пересылкой — 9 долл.

Заказы с чеками или мони-ордерами посылать по адресу:

Larisa Pevear, 313 W 107 St. N.Y. N.Y. 10025

пользоваться только в хорошую погоду, что, еще более затрудняя получение удовольствия, делало его тем более желанным. Владелец отеля, по имени Леввер, заработал почти миллион именно тем, что сделал доступ в него крайне затруднительным. Понятно, он умело соединил недоступность своего заведения с самой тщательной заботой о его изысканности. Вина и кухня были поистине европейскими, а прислуга была вышколена в точном соответствии с требованиями английского высшего света. Хозяин знал лакеев как свои пять пальцев. Их было всего пятнадцать. Гораздо легче было стать членом парламента, чем лакеем в этом отеле. Каждый из них прошел курс молчания и исполнительности и был вышколен не хуже, чем личный камердинер истого джентльмена. Обычно на каждого обедающего приходилось по одному лакею.

Клуб «Двенадцать верных рыболовов» не согласился бы обедать ни в каком другом месте, так как он требовал полного уединения, и все его члены были бы крайне взволнованы при одной мысли, что другой клуб в тот же день обедает в том же здании. Во время своего ежегодного обеда рыболовы привыкли выставлять все свои сокровища, словно они обедали в частном доме; особенно выделялся знаменитый прибор из рыбных ножей и вилок, своего рода реликвия клуба. Серебряные ножи и вилки были отлиты в форме рыб, и ручки их украшали массивные жемчужины. Прибор этот подавали к рыбной перемене, а рыбное блюдо было самым торжественным моментом торжественного пира. Общество соблюдало целый ряд церемоний и ритуалов, но не имело ни цели, ни истории, в чем и заключалась высшая степень его аристократизма. Для того чтобы стать одним из двенадцати рыболовов, особых заслуг не требовалось; но если человек не принадлежал к определенному кругу, он никогда и не услышал бы об этом клубе. Клуб существовал уже целых двенадцать лет. Президентом его был мистер Одли. Вице-президентом — герцог Честерский.

Если я хоть отчасти сумел передать атмосферу неприступного отеля, читатель, естественно, может поинтересоваться, откуда же я знаю все это и каким образом такая заурядная личность, как мой друг — отец Браун, оказалась в столь избранной компании. Ответ мой будет прост и даже банален. В мире есть очень древний мятежник и демагог, который врывается в самые сокровенные убежища с ужасным сообщением, что все люди братья, и где бы ни появился этот всадник на коне бледном, дело отца Брауна — следовать за ним. Одного из лакеев, итальянца, хватил паралич в самый день обеда, и хозяин, исполнив волю умирающего, велел послать за католическим священником. Умирающий просил исполнить свою последнюю волю: озаботиться немедленной отправкой письма, которое заключало, должно быть, какое-то признание или заглаживало причиненное кому-то зло. Как бы то ни было, отец Браун — с кроткой настойчивостью, которую, впрочем, он проявил бы и в самом Букингемском дворце, — попросил, чтобы ему отвели комнату и дали письменные принадлежности. Мистер Леввер раздирался надвое. Он был мягок, но обладал и оборотной стороной этого качества — терпеть не мог всяких сцен и затруднений. А в тот вечер присутствие постороннего было подобно грязному пятну на только что отполированном серебре. В Вернон-отеле не было ни смежных, ни запасных помещений, ни ожидающихся в холле посетителей или случайных клиентов. Было пятнадцать лакеев. И двенадцать гостей. Встретить в тот вечер чужого было бы не менее потрясающе, чем познакомиться за семейным завтраком со своим собственным братом. К тому же наружность у священника была слишком заурядна, одежда слишком потрепана; один вид его, просто мимолежный взгляд на него, мог привести отель к полному краху. Наконец мистер Леввер нашел выход, который если и не уничтожил, то, по крайней мере, прикрывал позор. Если вы проинкнете в Вернон-отель (что, впрочем, вам никогда не удастся), сперва вам придется пройти короткий коридор, увешанный потемневшими, но, надо полагать, ценными картинами, затем — главный вестибюль, откуда один проход ведет направо, в гостиные, а другой — налево, в контору и кухню. Тут же, у левой стены вестибюля, стоит углом большая стеклянная будка, как бы дом в доме: вероятно, раньше в ней находился бар. Теперь тут контора, где сидит помощник Леввера (в этом отеле никто никогда не попадает на глаза без особой нужды); а позади, по дороге к помещению прислуги, находится мужская гардеробная, последняя граница господских владений. Но между конторой и гардеробной есть еще одна маленькая комнатка, без выхода в коридор, которой хозяин иногда пользуется для щекотливых и важных дел, — например, дает в долг какому-нибудь герцогу тысячу фунтов или отказывается одолжить ему шесть пен-

сов. Мистер Леввер выказал высшую терпимость, позволив простому священнику осквернить это священное место и написать там письмо. То, что писал отец Браун, было, вероятно, много интереснее моего рассказа, но никогда не увидит света. Я могу лишь отметить, что тот рассказ был не короче моего и что две-три последние страницы были, очевидно, скучнее прочих.

Дойдя до них, отец Браун позволил своим мыслям отвлекаться от работы, а своим чувствам (обычно достаточно острым) пробудиться от оцепенения. Смеркалось. Близилось время обеда. В уединенной комнатке почти стемнело, и, возможно, сгущавшаяся тьма до чрезвычайности обострила его слух. Когда отец Браун дописывал последнюю страницу, он поймал себя на том, что пишет в такт доносившимся из коридора звукам, как иногда в поезде думаешь под стук колес. Когда он понял это и прислушался, он убедился, что шаги — самые обыкновенные, просто кто-то ходит мимо двери, как нередко бывает в гостиницах. Тем не менее он уставился в темнеющий потолок и прислушался снова. Через несколько секунд он поднялся и стал вслушиваться еще внимательней, слегка склонив голову набок. Потом снова сел и, подперев голову, слушал и размышлял.

Шаги в коридоре отеля — дело обычное, но эти шаги казались в высшей степени странными. Больше ничего не было слышно, дом был на редкость тихий — немногочисленные гости немедленно расходились по своим комнатам, а тренированные лакеи были невидимы и неслышимы, пока их не вызывали. В этом отеле меньше всего можно было ожидать чего-нибудь необычного. Однако эти шаги казались настолько странными, что слова «обычный» и «необычный» не подходили к ним. Отец Браун как бы следовал за ними, постукивая пальцами по краю стола, словно пианист, разучивающий фортепьянную пьесу.

Сперва слышались быстрые мелкие шажки, но переходившие, однако, в бег, — так мог бы идти участник состязания по ходьбе. Вдруг они прерывались и становились мерными, степенными, раза в четыре медленнее предыдущих. Едва затихал последний медленный шаг, как снова слышалась частая торопливая дробь и затем опять замедленный шаг грузной походки. Шаггал, безусловно, один и тот же человек — и при медленной ходьбе, и при быстрой одинаково поскрипывала обувь. Отец Браун был не из тех, кто постоянно задает себе вопросы, но от этого, казалось бы, простого вопроса у него чуть не лопалась голова. Он видел, как разбегаются, чтобы прыгнуть; он видел, как разбегаются, чтобы прокатиться по льду. Но зачем разбегаться, чтобы перейти на медленный шаг? Для чего идти, чтобы потом разбежаться? И в то же время именно это проделывали невидимые ноги. Их обладатель очень быстро пробежал половину коридора, чтобы медленно проследовать по другой половине; медленно доходил до половины коридора, с тем чтобы доставить себе удовольствие быстро пробежать другую половину. Оба предположения не имели ни малейшего смысла. В голове отца Брауна, как и в комнате, становилось все темнее и темнее.

Однако, когда он сосредоточился, сама темнота каморки словно открыла его мысль. Фантастические ноги, шагавшие по коридору, стали представляться ему в самых неестественных или символических положениях. Может быть, это языческий ритуальный танец? Или новсе гимнастическое упражнение? Отец Браун упорно обдумывал, что бы могли означать эти шаги. Медленные шаги, безусловно, не принадлежали хозяину. Люди его склада ходят быстро и деловито или не трогаются с места. Это не мог быть также ни лакей, ни посыльный, ожидающий распоряжений. В олигархическом обществе неимущие ходят иной раз вразвалку — особенно когда выпьют, но много чаще, особенно в таких местах, они стоят или сидят в напряженной позе. Нет, тяжелый и в то же время упругий шаг, не особенно громкий, но и не считающийся с тем, какой шум он производит, мог принадлежать лишь одному обитателю земного шара: так ходит западноевропейский джентльмен, который, по всей вероятности, никогда не зарабатывал себе на жизнь.

Как раз когда отец Браун пришел к этому важному заключению, шаг снова изменился и кто-то торопливо, по-крысиному, пробежал мимо двери. Однако, хотя шаги стали гораздо быстрее, шума почти не было, точно человек бежал на цыпочках. Но отцу Брауну не почудилось, что тот хочет скрыть свое присутствие, — для него звуки связывались с чем-то другим, чего он не мог припомнить. Эти воспоминания, от которых можно было сойти с ума, наконец вывели его из равновесия. Он был уверен, что слышал где-то эту странную, быструю походку, — и не мог припомнить, где именно. Вдруг у него мелькнула новая мысль; он вскочил и подошел к двери. Комната его не сообщалась

лась непосредственно с коридором: одна дверь вела в застекленную контору, другая — в гардеробную. Дверь в контору была заперта. Он посмотрел в окно, светлевшее во мраке резко очерченным четырехугольником, полным сине-багровых облаков, озаренных влещим светом заката, и на мгновение ему показало, что он чует зло, как собака чует крысу.

Разумное (не знаю, благоразумное ли) начало победило. Он вспомнил, что хозяин запер дверь, обещав прийти попозже и выпустить его. Он убеждал себя, что двадцать разных причин, которые не пришли ему в голову, могут объяснить эти странные шаги в коридоре. Он напомнил себе о недоконченной работе и о том, что едва успеет дописать письмо засветло. Пересев к окну, поближе к угасавшему свету мятежного заката, он снова углубился в работу. Он писал минут двадцать, все ниже склоняясь к бумаге, по мере того как становилось темнее, потом внезапно выпрямился. Снова послышались странные шаги. На этот раз прибавилась третья особенность. Раньше незнакомец ходил, ходил легко и удивительно быстро, но все же ходил. Теперь он бежал. По коридору слышались частые, быстрые, скачущие шаги, словно прыжки мягких лап пантеры. Чувствовалось, что бегущий — сильный, энергичный человек, взволнованный, однако сдерживающий себя. Но едва лишь, прошестев, словно смерч, он добежал до конторы, снова послышался медленный, размеренный шаг.

Отец Браун отбросил письмо и, зная, что дверь в контору закрыта, прошел в гардеробную, по другую сторону комнаты. Служитель временно отлучился, должно быть, потому, что все гости уже собрались, давно сидели за столом и его присутствие не требовалось. Пробравшись сквозь серый лес пальто, священник заметил, что полутемную гардеробную отделяет от ярко освещенного коридора барьер, вроде прилавка, через который обычно передают пальто и полочают номерки. Как раз над аркой этой двери горела лампа. Отец Браун был едва освещен ею и темным силуэтом вырисовывался на фоне озаренного закатом окна. Зато весь свет падал на человека, стоящего в коридоре.

Это был элегантный мужчина, в изысканно простом вечернем костюме, высокий, но хорошо сложенный и гибкий; казалось, там, где он проскользнул бы как тень, люди меньшего роста были бы заметнее его. Ярко освещенное лицо его было смугло и оживленно, как у иностранца-южанина. Держался он хорошо, непринужденно и уверенно. Строгий критик мог бы отметить разве только, что его фрак не вполне соответствовал стройной фигуре и светским манерам, был несколько мешковат и как-то странно топорщился. Едва увидев на фоне окна черный силуэт отца Брауна, он бросил на прилавок номерок и с дружелюбной снисходительностью сказал:

— Пожалуйста, шляпу и пальто. Я ужоу.

Отец Браун молча взял номерок и пошел отыскивать пальто. Найдя, он принес его и положил на прилавок; незнакомец порылся в карманах и сказал, улыбаясь:

— У меня нет серебра. Возьмите вот это, — и бросив золотой полусоверен, он взялся за пальто.

Отец Браун неподвижно стоял в темноте, и вдруг он потерял голову. С ним это случалось; правда, глупей от этого он не становился, скорее наоборот. В такие моменты, сложив два и два, он получал четыре миллиона. Католическая церковь (согласная со здравым смыслом) не всегда одобряла это. Он сам не всегда это одобрял. Но порой на него находило истинное вдохновение, необходимое в отчаянные минуты: ведь потерявший голову свою да обретет ее.

— Мне кажется, сэр, — сказал он вежливо, — в кармане у вас все же есть серебро.

Высокий джентльмен уставился на него.

— Что за чушь! — воскликнул он. — Я даю вам золотом, чем же вы недовольны?

— Иной раз серебро дороже золота, — скромно сказал священник. — Я хочу сказать — когда его много.

Незнакомец внимательно посмотрел на него. Потом еще внимательней глянул вдоль коридора. Снова перевел глаза на отца Брауна и с минуту смотрел на светлевшее позади него окно. Наконец решившись, он взялся рукой за барьер, перескочил через него с легкостью акробата и, нагнувшись к крохотному Брауну, огромной рукой сгреб его за воротник.

— Тихо! — сказал он отрывистым шепотом. — Я не хочу вам грозить, но...

— А я буду грозить вам, — перебил его отец Браун внезапно окрепшим голосом. — Грозить червем неумирающим и огнем неугасающим.

— Чудак! Вам не место здесь, — сказал незнакомец.

— Я священник, мосье Фламбо, — сказал Браун, — и готов выслушать вашу исповедь.

Высокий человек задохнулся, на мгновение за-

мер и тяжело опустился на стул.

Первые две перемены обеда «Двенадцати верных рыболовов» следовали одна за другой без всяких помех и задержек. Копии меню у меня нет, но если бы она и была, все равно бы вы ничего не поняли. Меню было составлено на ультрафранцузском языке поваров, непонятном для самих французов. По традиции клуба, закуски были разнообразны и сложны до безумия. К ним отнеслись вполне серьезно, потому что они были бесполезным придатком, как и весь обед, как и самый клуб. По той же традиции суп подали легкий и простой — все это было лишь введением к предстоящему рыбному пиру. За обедом шел тот странный, порхающий разговор, который предрешает судьбы Британской империи, столь полный намеков, что рядовой англичанин едва ли понял бы его, даже если бы и подслушал. Министров величали по именам, упоминая их с какой-то вялой благосклонностью. Радикального министра финансов, которого вся партия тори, по слухам, ругала за вымогательство, здесь хвалили за слабые стишки или за посадку в седле на псовой охоте. Вождь тори, которого всем либералам полагалось ненавидеть, как тирана, подвергался легкой критике, но о нем отзывались одобрительно, как будто речь шла о либерале. Каким-то образом выходило, что политики — люди значительные, но значительно в них все, что угодно, кроме их политики. Президентом клуба был добродушный пожилой мистер Одли, все еще носивший старомодные воротнички времен Гладстона. Он казался символом этого призрачного и в то же время устойчивого общественного уклада. За всю свою жизнь он ровно ничего не сделал — ни хорошего, ни даже дурного; не был ни расточителем, ни особенно богат. Он просто всегда был «в курсе дела». Ни одна партия не могла обойти его, и если бы он вздумал стать членом кабинета, его, безусловно, туда ввели бы. Вице-президент, герцог Честерский, был еще молод и подавал большие надежды. Иными словами, это был приятный молодой человек с прилизанными русыми волосами и веснушчатым лицом. Он обладал средними способностями и несметным состоянием. Его публичные выступления были всегда успешны, хотя секрет их был крайне прост. Если ему в голову приходила шутка, он высказывал ее, и его называли остроумным. Если же шутки не подвертывались, он говорил, что теперь не время шутить, и его называли глубокомысленным. В частной жизни, в клубе, в своем кругу он был радушен, откровенен и наивен, как школьник. Мистер Одли, никогда не занимавшийся политикой, относился к ней несравненно серьезнее. Иногда он даже смущал общество, намекая на то, что существует некоторая разница между либералом и консервативом. Сам он был консервативом даже в частной жизни. Его длинные седые кудри скрывали на затылке старомодный воротничок, точь-в-точь как у бывших государственных мужей, и со спины он выглядел человеком, на которого может положиться империя. А спереди он казался тихим, любящим комфорт холостяком, из тех, что снимают комнаты в Олбэни, — таким он и был на самом деле.

Как мы уже упоминали, за столом на веранде было двадцать четыре места, но сидело всего двенадцать членов клуба. Все они весьма удобно разместились по одну сторону стола, и перед ними открывался вид на весь сад, краски которого все еще были яркими, хотя вечер и кончался несколько жмуро для этого времени года. Президент сидел у середины стола, а вице-президент — у правого конца. Когда двенадцать рыболовов подходили к столу, все пятнадцать лакеев должны были (согласно неписаному клубному закону) чинно выстраиваться вдоль стены, как солдаты, встречающие короля. Толстый хозяин должен был стоять тут же, сияя от приятного удивления, и кланяться членам клуба, словно он раньше никогда не слыхивал о них. Но при первом же стуке ножей и вилок вся эта наемная армия исчезала, оставляя одного или двух лакеев, бесшумно скользивших вокруг стола и незаметно убирающих тарелки. Мистер Левер тоже скрывался, весь извиваясь в конвульсиях вежливых поклонов. Было бы не только преувеличением, но даже прямой клеветой сказать, что он может появиться снова. Но когда подавалось главное, рыбное блюдо, тогда, — как бы мне выразить это получше? — тогда казалось, что где-то парит ожившая тень или отражение хозяина. Священное рыбное блюдо было (конечно, для непосвященного взгляда) огромным пудингом, размером и формой напомиавшим свадебный пирог, в котором несметное количество разных видов рыбы вконец потеряло свои естественные свойства. «Двенадцать верных рыболовов» вооружались знаменитыми ножами и вилками и приступали к пудингу с таким благого-

вением, словно каждый кусочек стоил столько же, сколько серебро, которым его ели. И, судя по тому, что мне известно, так оно и было. С этим блюдом расправлялись молча, жадно и с полным сознанием важности момента. Лишь когда тарелка его опустела, молодой герцог сделал обычное замечание:

— Только здесь умеют как следует готовить это блюдо.

— Только здесь,— отозвался мистер Одли, поворачиваясь к нему и покачивая своей почтенной головой.— Только здесь — и нигде больше. Правда, мне говорили, что в кафе «Англэ»... — Тут он был прерван и на мгновение даже озадачен исчезновением своей тарелки, принятой лакеем. Однако он успел вовремя поймать нить своих ценных мыслей.— Мне говорили,— продолжал он,— что это блюдо могли бы приготовить и в кафе «Англэ». Но не верьте этому, сэр.— Он безжалостно закачал головой, как судья, отказывающий в помиловании осужденному на смерть преступнику.— Нет, не верьте этому, сэр.

— Преувеличенная репутация,— процедил некий полковник Паунд с таким видом, словно он открыл рот впервые за несколько месяцев.

— Ну что вы! — возразил герцог Честерский, по натуре оптимист.— В некоторых отношениях это премилое местечко. Например, нельзя отказать им...

В комнату быстро вошел лакей и вдруг остановился, словно окаменев. Сделал он это совершенно бесшумно, но вялые и благодушные джентльмены привыкли к тому, что невидимая машина, обслуживавшая их и поддерживавшая их существование, работает безукоризненно, и неожиданно остановившийся лакей испугал их, словно фальшивая нота в оркестре. Они чувствовали то же, что почувствовали бы мы с вами, если бы неодушевленный мир проявил непослушание: если бы, например, стул вдруг бросился убежать от нашей руки.

Несколько секунд лакей простоял неподвижно, и каждого из присутствующих постепенно охватывала странная неловкость, типичная для нашего времени, когда повсюду твердят о гуманности, а пропасть между богатыми и бедными стала еще глубже. Настоящий родовитый аристократ, наверно, принялся бы швырять в лакея чем попало, начав с пустых бутылок и, весьма вероятно, кончив деньгами. Настоящий демократ спросил бы его чисто товарищеским тоном, какого черта он стоит тут как истукан. Но эти новейшие плутократы не могли переносить возле себя неимущего — ни как раба, ни как товарища. Тот факт, что с лакеем случилось нечто странное, был для них просто скучной и досадной помехой. Быть грубыми они не хотели, а в то же время страшились проявить хоть какую-то человечность. Они желали одного: чтобы все это поскорее кончилось. Лакей простоял неподвижно несколько секунд, словно в столбняке, вдруг повернулся и опрометью выбежал с веранды.

Вскоре он снова появился на веранде или, вернее, в дверях в сопровождении другого лакея, что-то шепча ему и жестикулируя с чисто итальянской живостью. Затем первый лакей снова ушел, оставив в дверях второго, и опять появился, уже с третьим. Когда и четвертый лакей присоединился к этому сборищу, мистер Одли почувствовал, что во имя такта необходимо нарушить молчание. За неимением председательского молотка он громко кашлянул и сказал:

— А ведь молодой Мучер прекрасно работает в Бирме. Какая нация в мире могла бы...

Пятый лакей стрелою подлетел к нему и зашептал на ухо:

— Простите, сэр. Важное дело. Может ли хозяин поговорить с вами?

Президент растерянно повернулся и увидел мистера Левра, приближавшегося к нему своей обычной ныряющей походкой. Но лицо почтенного хозяина никто не назвал бы обычным. Всегда сияющее и медно-красное, оно окрасилось болезненной желтизной.

— Простите меня, мистер Одли, — проговорил он, задыхаясь,— случилась страшная неприятность. Скажите, ваши тарелки убрали вместе с вилками и ножами?

— Надеюсь,— несколько раздраженно протянул президент.

— Вы видели его? — продолжал хозяин.— Видели вы лакея, который убрал их? Узнали бы вы его?

— Узнать лакея? — негодуя переспросил мистер Одли.— Конечно, нет.

Мистер Левр в отчаянии развел руками.

— Я не посылал его,— простонал он.— Я не знаю, откуда и зачем он явился. А когда я послал своего лакея убрать тарелки, он увидел, что их уже нет.

Решительно, мистер Одли чересчур растерялся для человека, на которого может положиться вся империя. Да и никто другой из присутствующих не нашелся, за исключением грубоватого полковника

Паунда, внезапно воспрянувшего к жизни. Он поднялся с места и, вставив в глаз монокль, проговорил сипло, словно отвык пользоваться голосом:

— Вы хотите сказать, что кто-то украл наш серебряный рыбный прибор?

Хозяин снова развел руками, и в ту же секунду все присутствующие вскочили на ноги.

— Где лакей? — низким глухим голосом спросил полковник.— Они все тут?

— Да, все, я это заметил,— воскликнул молодой герцог, протискиваясь в центр группы.— Всегда считая их, когда вхожу. Они так забавно выстраиваются вдоль стены.

— Да, но трудно сказать с уверенностью... — в тяжелом сомнении начал было мистер Одли.

— Говорю вам, я прекрасно помню,— возбужденно повторил герцог,— здесь никогда не было больше пятнадцати лакеев, и ровно столько же было и сегодня. Ни больше, ни меньше.

Хозяин повернулся к нему, дрожа всем телом.

— Вы говорите... вы говорите... — заикался он,— что видели пятнадцать лакеев?

— Как всегда,— подтвердил герцог,— что ж в этом особенного?

— Ничего,— сказал Левр,— только всех вы не могли видеть. Один из них умер и лежит наверху.

На секунду в комнате воцарилась тягостная тишина. Быть может (так сверхъестественно слово «смерть»), каждый из этих праздных людей заглянул в это мгновение в свою душу и увидел, что она маленькая, как сморщенная горошина. Кто-то, кажется, герцог, сказал с идиотским состраданием богача:

— Не можем ли мы быть чем-нибудь полезны?

— У него был священник,— ответил расстроенный хозяин.

И — словно прозвучала труба Страшного суда — они подумали о таинственном посещении. Несколько весьма неприятных секунд присутствующим казалось, что пятнадцатым лакеем был призрак мертвеца. Неприятно им стало потому, что призраки были для них такой же помехой, как и нищие. Но мысль о серебре вывела их из оцепенения. Полковник отбросил ногою стул и направился к двери.

— Если здесь был пятнадцатый лакей, друзья мои,— сказал он,— значит, этот пятнадцатый и был вором. Немедленно закрыть парадный и черный ходы. Тогда мы и поговорим. Двадцать четыре жемчужины клуба стоят того, чтобы из-за них похлопотать.

Мистер Одли снова как будто заколебался, пристойно ли джентльмену проявлять торопливость. Но, видя, как герцог кинулся вниз по лестнице с энтузиазмом молодости, он последовал за ним, хотя и с большей солидностью.

В эту минуту на веранду вбежал шестой лакей и заявил, что он нашел груды тарелок от рыбы без всяких следов серебра. Вся толпа гостей и прислуги гурьбой скатилась по лестнице и разделилась на два отряда. Большинство рыболовов последовало за хозяином в вестибюль. Полковник Паунд с президентом, вице-президентом и двумя-тремя членами клуба кинулись в коридор, который вел к лакейской,— вероятнее всего, вор бежал именно так. Проходя мимо полутемной гардеробной, они увидели в глубине ее низенькую черную фигурку, стоящую в тени.

— Эй, послушайте,— крикнул герцог,— здесь проходил кто-нибудь?

Низенький человек не ответил прямо, но просто сказал:

— Может быть, у меня есть то, что вы ищете, джентльмены?

Они остановились, колеблясь и удивляясь, а он скрылся во мраке гардеробной и появился снова, держа в обеих руках груды блестящего серебра, которое и выложил на прилавок спокойно, как приказчик, показывающий образцы. Серебро оказалось дюжиной ножей и вилок странной формы.

— Вы... Вы... — начал окончательно сбитый с толку полковник. Потом, освоившись с полумраком, он заметил две вещи: во-первых, низенький человек был в черной сутане и мало походил на слугу и, во-вторых, окно гардеробной было разбито, точно кто-то поспешно из него выскочил.

— Слишком ценная вещь, чтобы хранить ее в гардеробной,— заметил священник.

— Так вы... вы... значит, это вы украли серебро? — запинаясь, спросил мистер Одли, с недоумением глядя на священника.

— Если я и украл, то, как видите, я его возвращаю,— вежливо ответил отец Браун.

— Но украли не вы? — заметил полковник, вглядываясь в разбитое окно.

— По правде сказать, я не крал его,— сказал священник несколько юмористическим тоном и спокойно уселся на стул.

— Но вы знаете, кто это сделал? — спросил полковник.

— Настоящего его имени я не знаю, — невозмутимо ответил священник. — Но я знаю кое-что о его силе и очень много о его душевных сомнениях. Силу его я ощутил на себе, когда он пытался меня задушить, а об его моральных качествах я узнал, когда он раскаялся.

— Скажите пожалуйста, раскаялся! — с надменным смехом воскликнул герцог Честерский.

Отец Браун поднялся и заложил руки за спину.

— Не правда ли, странно, на ваш взгляд, — сказал он, — что вор и бродяга раскаялся, тогда как много богатых людей закоснели в мирской суете и никому от них нет прока? Если вы сомневаетесь в практической пользе раскаяния, вот вам ваши ножи и вилки. Вы «Двенадцать верных рыболовов», и вот ваши серебряные рыбы. Видите, вы все же выловили их. А я — *ловец человек*.

— Так вы поймали вора? — хмурясь, спросил полковник.

Отец Браун в упор посмотрел на его недовольное, суровое лицо.

— Да, я поймал его, — сказал он, — поймал невидимым крючком на невидимой леске, такой длинной, что он может уйти на край света и все же вернется, как только я потяну.

Они помолчали. Потом джентльмены удалились обратно на веранду, унося серебро и обсуждая с хозяином странное происшествие. Но суровый полковник по-прежнему сидел боком на барьере, раскачивая длинными ногами и покусывая кончики темных усов. Наконец он спокойно сказал священнику:

— Вор был не глупый малый, но, думается, я знаю человека поумнее.

— Он умный человек, — ответил отец Браун, — но я не знаю, кого вы считаете умнее.

— Вас, — сказал полковник и коротко рассмеялся. — Будьте спокойны, я не собираюсь сажать вора в тюрьму. Но я дал бы гору серебряных вилок за то, чтобы толком узнать, как вы-то замешались во всю эту кашу и как вам удалось отнять у него серебро. Думается мне, что вы большой хитрец и проведете любого.

Священнику, по-видимому, понравилась грубоватая прямота военного.

— Конечно, полковник, — сказал он, улыбаясь, — я ничего не могу сообщить вам об этом человеке и его частных делах. Но я не вижу причин скрывать от вас внешний ход дела, насколько я сам его понял.

С неожиданной для него легкостью он перепрыгнул через барьер, сел рядом с полковником Паундом и, в свою очередь, заболтал короткими ножками, словно мальчишка на заборе. Рассказ свой он начал так непринужденно, как если бы беседовал со старым другом у рождественского камелька.

— Видите ли, полковник, — начал он, — меня заперли в той маленькой каморке, и я писал письмо, когда услышал, что пара ног отплясывает по этому коридору такой танец, какого не сплещешь и на виселице. Сперва слышались забавные мелкие шажки, словно кто-то ходил на цыпочках; за ними следовали шаги медленные, уверенные — словом, шаги солидного человека, разгуливающего с сигарой во рту. Но шагали одни и те же ноги, в этом я готов был поклясться: легко, потом тяжело, потом опять легко. Сперва я прислушивался от нечего делать, а потом чуть с ума не сошел, стараясь понять, для чего понадобилось одному человеку ходить двумя походками. Одну походку я знал, она была вроде вашей, полковник. Это была походка плотно пообедавшего человека, джентльмена, который рассказывает не потому, что взволнован, а скорее, потому, что вообще подвижен. Другая походка тоже казалась мне знакомой, только я никак не мог припомнить, где я ее слышал и где раньше встречал странное существо, носящееся на цыпочках подобным образом. Скоро до меня донесся стук тарелок, и ответ представился до глупости очевидным: это была походка лакея, когда, склонившись вперед, опустив глаза, загребая носками сапог, он несет подавать к столу. Затем я поразмыслил с минуту. И мне показалось, что я понял замысел преступления так же ясно, как если бы сам собирался его совершить.

Полковник внимательно посмотрел на священника, но кроткие серые глаза были безмятежно устремлены в потолок.

— Преступление, — продолжал он медленно, — то же произведение искусства. Не удивляйтесь: преступление далеко не единственное произведение искусства, выходящее из мастерских преисподней. Но каждое подлинное произведение искусства, будь оно небесного или дьявольского происхождения, имеет одну неприменную особенность: основа его всегда проста, как бы сложно ни было выполнение. Так, например,

в «Гамлете» фигуры могильщиков, цветы сумасшедшей девушки, загробное обаяние Озрика, бледность духа и усмешка черепа — все сплетено венком для мрачного человека в черном. И то, что я вам рассказываю, — добавил он, улыбаясь и медленно слезая с барьера, — тоже незамысловатая трагедия человека в черном. — Да, — продолжал он, видя, что полковник смотрит на него с удивлением, — вся эта история сводится к черному костюму. В ней, как и в «Гамлете», немало всевозможных наслоений, вроде вашего клуба, например. Есть мертвый лакей, который был там, где быть не мог; есть невидимая рука, собравшая с вашего стола серебро и растаявшая в воздухе. Но каждое умно задуманное преступление основано в конце концов на чем-нибудь вполне заурядном, ничуть не загадочном. Таинственность появляется позже, чтобы увести нас в сторону по ложному следу. Сегодняшнее дело — крупное, тонко задуманное и (на взгляд заурядного вора) весьма выгодное. Оно было построено на том общеизвестном факте, что вечерний костюм джентльмена как две капли воды похож на костюм лакея, — оба носят черный фрак. Все остальное была игра, и притом удивительно тонкая.

— И все же, — заметил полковник, слезая с барьера и хмуро разглядывая свои ботинки, — все же я не вполне уверен, что понял вас.

— Полковник, — сказал отец Браун, — вы еще больше удивитесь, когда я скажу вам, что демон наглости, укравший ваши вилки, все время разгуливал у вас на глазах. Он прошел по коридору раз двадцать взад и вперед — и это при полном освещении и на виду у всех. Он не прятался по углам, где его могли бы заподозрить. Напротив, он беспрестанно двигался и, где бы он ни был, везде, казалось, находился по праву. Не спрашивайте меня, как он выглядел, потому что вы сами видели его сегодня шесть или семь раз. Вы вместе с другими высокородными господами дожидались обеда в гостиной, в конце прохода, возле самой веранды. И вот, когда он проходил среди вас, джентльменов, он был лакеем, с опущенной головой, болтающейся салфеткой и развевающимися фалдами. Он вылетал на веранду, поправлял скатерть, переставлял что-нибудь на столе и мчался обратно по направлению к конторе и лакейской. Но едва он попадал в поле зрения конторского клерка и прислуги, как — и видом и манерами, с головы до ног, — становился другим человеком. Он бродил среди слуг с той рассеянной небрежностью, которую они так привыкли видеть у своих патронов. Их не должно было удивлять, что гость разгуливает по всему дому, словно зверь, снующий по клетке в зоологическом саду. Они знали: ничто так не выделяет людей высшего круга, как именно привычка рассказывать всюду, где им вздумается. Когда он пресыщался прогулкой по коридору, он поворачивал и снова проходил мимо конторы. В тени гардеробной ниши он, как по мановению жезла, разом менял свой облик и снова услужливым лакеем мчался к «Двенадцати верным рыболовам». Не пристало джентльменам обращать внимание на какого-то лакея. Как может прислуга заподозрить прогуливающегося джентльмена?.. Раз он выкинул фокус еще почище. У конторы он величественно потребовал сифон содовой воды, сказал, что хочет пить. Он добавил непринужденно, что возьмет сифон с собой. Он так и сделал — быстро и ловко пронес его среди всех вас, джентльменов, лакеем, выполняющим обычное поручение. Конечно, это не могло длиться до бесконечности, но ему ведь нужно было дожидаться лишь конца рыбной перемены. Самым опасным для него было начало обеда, когда все лакеи выстраивались в ряд, но и тут ему удалось прислониться к стене как раз за углом, так что лакеи и тут приняли его за джентльмена, а джентльмены — за лакея. Дальше все шло как по маслу. Лакей принимал его за скучающего аристократа, и наоборот. За две минуты до того, как рыбная перемена была закончена, он снова обратился в провинного слугу и быстро собрал тарелки. Посуду он оставил на полке, серебро засунул в боковой карман, отчего тот оттопырился, и, как заяц, помчался по коридору, покуда не добрался до гардеробной. Тут он снова стал джентльменом, внезапно вызванным по делу. Ему оставалось лишь сдать свой номерок гардеробщику и выйти так же непринужденно, как пришел. Только случилось так, что гардеробщиком был я.

— Что вы сделали с ним? — воскликнул полковник с необычным для него жаром. — И что он вам сказал?

— Простите, — невозмутимо ответил отец Браун, — тут мой рассказ кончается.

— И начинается самое интересное, — пробормотал Паунд. — Его профессиональные приемы я еще понимаю. Но как-то не могу понять ваши.

— Мне пора уходить, — проговорил отец Браун.

Вместе они дошли до передней, где увидели свежее веснушчатое лицо герцога Честерского, с веселым видом бежавшего искать их.

— Скорее, скорее, Паунд! — запыхавшись, кричал он. — Скорее идите к нам! Я всюду искал вас. Обед продолжается как ни в чем не бывало, и старый Одли сейчас скажет спич в честь спасенных вилок. Видите ли, мы предполагаем создать новую церемонию, чтобы увековечить это событие. Серебро снова у нас. Можете вы что-нибудь предложить?

— Ну что ж, — не без сарказма согласился полковник, оглядывая его. — Я предлагаю, чтобы отныне мы носили зеленые фраки вместо черных. Мало ли что может случиться, когда ты одет так же, как лакей.

— Глупости, — сказал герцог, — джентльмен ни-

когда не выглядит лакеем.

— А лакей не может выглядеть джентльменом? — так же беззвучно смеясь, отозвался полковник Паунд. — В таком случае и ловок же ваш приятель, — сказал он, обращаясь к Брауну, — если он сумел сойти за джентльмена.

Отец Браун наглухо застегнул свое скромное пальто — ночь была холодная и ветреная — и взял в руки свой скромный зонтик.

— Да, — сказал он, — должно быть, очень трудно быть джентльменом. Но, знаете ли, я не раз думал, что почти так же трудно быть лакеем.

И, промолвив «доброй вечер», он толкнул тяжелую дверь дворца наслаждений. Золотые ворота тотчас же захлопнулись за ним, и он быстро зашагал по мокрым темным улицам в поисках омнибуса.

ДУХОВЕНСТВО И ПРИХОДСКОЙ СОВЕТ
ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ
С прискорбием сообщают, что 19 апреля
(Великий Четверг) сего года скончалась
прихожанка нашего храма
ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА МОКРИНСКАЯ
Похоронена на кладбище Новодивеево

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ "ПУТЬ"

Издается 5 раз в год при храме Христа Спасителя
340 Ист Семьдесят Первая улица, Нью-Йорк, Нью-Йорк 10021
По благословию преосвященного Петра, епископа Нью-Йоркского
и Нью-Джерсийского

РЕДАКТОР о. МИХАИЛ АКСЕИОВ МЕЕРСОН

ORTHODOX ALMANAC 'PUT'

PUBLISHED 5 TIMES A YEAR IN RUSSIAN BY CHRIST THE SAVIOR
ORTHODOX CHURCH IN MANHATTAN
340 East 71-st Street, N.Y. N.Y. 10021

With blessing of the Right Reverend Peter Bishop of New York
and New Jersey
Orthodox Church in America

REV. MICHAEL AKSIONOV MEERSON. EDITOR.

Запросы и пожертвования присылать по адресу:

Almanac PUT' — Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71-st Street, New York, N.Y. 10021

Прошу выслать альманах "ПУТЬ"
по адресу : (по-английски, печатными буквами)

Имя и фамилия _____

Адрес _____

МАЙ — ИЮНЬ 1984

Предполагаемое пожертвование на номер	—	2 доллара
На весь год	—	10 долларов
Для проживающих за границей	—	15 долларов
В целях поддержания издания	—	20 долларов
Suggested donation	for one issue	\$2.00
Suggested donation	for 1 year	
In USA		\$10.00
In foreign countries		\$15.00
Supporting donation		\$20.00

PUT
Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71 st Str.
New York, N.Y. 10021

NON-PROFIT O
U. S. Postage
PAID
New York., N.Y.
Permit No 5660